

К.А. Пахалюк

Восточно-пруссский фронт Первой мировой войны (краткий очерк)

Два наступления и три поражения – вот сколь плачевен для русских войск итог сражений на полях Восточной Пруссии в 1914-15 гг. Все три армии, в разное время воевавшие здесь, были вынуждены покинуть провинцию, понеся тяжелейшие потери...

Если в основе Тройственного союза лежали военно-политические соглашения между Германией и Австро-Венгрией, то фундаментом Антанты стали военные соглашения между Россией и Францией. Первоначально они были оформлены в виде секретных военных конвенций, заключенных в 1891-1893 гг. и предусматривавших в случае полной мобилизации и нападения на одну из сторон держав Тройственного союза (в первую очередь, Германии), незамедлительную поддержку со стороны другой.

В дальнейшем состоялось девять русско-французских совещаний по поводу совместных действий в случае войны. В общих чертах основная позиция нашего союзника сводилась к: 1) подчеркиванию опасности со стороны Германии; 2) требованию направить основной удар против Восточной Пруссии; 3) требованию ускорить мобилизацию и сосредоточение наших сил на границе, в частности на восточно-прусской. Планы в основном строились из оправдавшегося в последствии предположения, что Германия нанесет основной удар на Западе, оставив на востоке незначительные силы (хотя не исключались и другие варианты). Действительно, немецкий план Шлиффена предполагал подобный способ ведения боев, рассчитанный на медлительность русской мобилизации и превосходство немецкой военной машины над французской, что позволит добиться решительных успехов в сжатые сроки. В противовес этому на русскую армию возлагалось обязательство активной помощи против Германии.

В 1901 г. мы обязались перейти в наступление на 18 день войны, а на 28-й сосредоточить против Восточной Пруссии 800 000 человек. В дальнейшем осознавая трудности русской мобилизации, французы отказались от идеи полной синхронизации действий обеих союзных армий. Уже в 1910 г. они требовали выполнения лишь двух условий: 1) меры мирного времени должны создавать впечатление крупного русского наступления в пределы Германии 2) в первые дни войны положение русских войск должно было подтвердить эти немецкие опасения и не дать им возможность перекинуть из Восточной Пруссии дополнительные силы на запад.

В итоге, на совещаниях 1912 и 1913 гг., которые вели начальники генштабов России и Франции генералы Жилинский и Жоффри, было достигнуто обязательство сосредоточить против Германии в общей сложности до 800 000 человек (что фактически сделать оказалось нереально, и даже половина этого числа не была направлена в Восточной Пруссию) и выступить основными частями после 15-го дня мобилизации¹.

С началом войны русские предполагали начать вторжение в Восточную Пруссию силами двух армий. Первой следовало наступать из-за р. Неман, второй - из-за р. Нарев. Действуя в обход Мазурских озер с обеих сторон, в результате они должны были взять противника в гигантские «клещи» и уничтожить².

В директиве главнокомандующего Северо-Западным фронтом Я.Г. Жилинского от 13 августа (31 июля) 1-й армии предписывалось наступать на фронт Ангербург – Инстербург (т.е. в обход Мазурских озер с севера), а 2-й армии – на фронт Руджаны – Пассенгейм далее на Зеебург, Растенбург. Целью было разбить противника, «отрезать от Кенигсберга и захватить его пути отступления к Висле»³. Причем 1-й армии предписывалось перейти границу 17 августа и оттянуть на себя вражеские войска, охватив как можно глубже их левый фланг и отрезав противника от Кенигсберга, а 2-й армии – 18-19-го августа, с целью удара по неприятельским тылам. Отметим, что не все дивизии успели сосредоточиться к сроку, поэтому оставшиеся (в основном второочередные) прибывали на фронт постепенно уже во время операции. Главным недостатком директивы стало направление удара 2-й армии, который приводил не к окружению противника, а к его вытеснению из провинции. Ошибочным было и предположение, будто противник располагается «несомненно, за линией озер». Этот грубейший просчет вызывал и до сих пор вызывает гневные отклики многих военных историков, ибо, оставаясь «за линией озер», даже на укрепленных позициях, немцы рисковали оказаться в стратегическом «мешке».

Реально же германцы же предполагали держать активную оборону силами 8-й армии (командующий – генерал М. фон Притвиц, начальник штаба – генерал граф Вальдерзее) и постараться поодиночке разбить вражеские армии. Восточная Пруссия специально для этих целей имела достаточно развитую сеть железных дорог, что позволяло маневрировать силами. В случае опасности окружения разрешалось даже отойти за р. Вислу, чтобы сохранить войска, ибо основной удар в это время Германия наносила по Франции, планируя «к осеннему листопаду» заставить ее капитулировать.

¹ *Валентинов Н.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. М., 1919. В. 2. С. 114.

² Все материалы по сражениям в Восточной Пруссии, когда-либо опубликованные на русском языке см.: *Пахалюк К.* Боевые действия в Восточной Пруссии в Первую мировую войну. Указатель литературы. 2-к изд. Калининград, 2008. С. 383.

³ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 157.

А обе русские армии были разъединены между собой Мазурскими озерами, а потому успех напрямую зависел от оперативности наступающих войск и слаженности действий. Недаром были назначены и командующие: 1-ю (т.н. Неманскую) армию возглавил генерал-адъютант⁴ П.К. фон Ренненкампф, 2-ю – генерал А.В. Самсонов.

П.К. фон Ренненкампф прославился как лихой кавалерийский начальник в Китайскую кампанию 1900 г. и русско-японскую войну 1904-1905 гг., за которую был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. и Золотым оружием. В 1905-06 гг. командовал 7-м, а затем 3-м Сибирскими корпусами. Во главе карательной экспедиции в начале 1906 г. участвовал в подавлении революционных выступлений в районе Читы и Иркутска, за что снискал награды, благодарность императора (а заодно и ненависть либералов). В конце 1906 г. назначен командиром 3-го армейского корпуса⁵, а в 1913 г. стал командующим войсками Виленского военного округа. «Это назначение многими, – писал генерал В.И. Гурко, – критиковалось по причине не лучшего с точки зрения нравственности реноме генерала, но одновременного и приветствовалось как назначение человека, способного в случае войны достойно послужить родине... всякий, кому приходилось с ним общаться, неизбежно проникался убеждением, что все его симпатии отданы России, в особенности – ее армии, в которой он прослужил сорок лет и приобрел репутацию блестящего военачальника»⁶. Образ генерала, который существовал в высшем обществе, хорошо рисует эпизод из дневников Н.Н. Врангеля (брата «черного барона»), где он пересказывал слух про полковника Веденяпина: «Несколько дней он не спал и не ел, обремененный невероятной, невыносимой работой... В последнюю минуту им был получен приказ от Командующего армией взорвать какой-то мост после перехода через него немцев. Полумертвый от усталости, он не вполне точно понял смысл приказа и взорвал мост до перехода его неприятелем. Генерал Ренненкампф призвал полковника Веденяпина приказал ему застрелиться, что полковник и исполнил»⁷.

А.В. Самсонов был не менее известной личностью. Славу он снискал в годы русско-японской войны, о чем свидетельствуют не только награды, но и громадная популярность в войсках, превратившая его в героя. «Генерал Самсонов с нами, // Дай Бог здравие ему! // Он орел перед полками, // Рады мы всегда ему», – пели солдаты в одной из сибирских казачьих дивизий⁸. После окончания боевых действий А.В. Самсонов стал начальником

⁴ Звание генерал-адъютанта является светским званием, т.е. давалось тем, кто входил в Свиту Его императорского величества. Это звание, считавшееся почетным (ибо обладатель таким образом становился один из приближенных его величества), могли получить военные чины II и III классов по Табели о рангах (т.е. давалось генералам по родам войск или генерал-лейтенантам) за особые заслуги. Всего к началу Первой мировой войны в Свите состоял 51 генерал-адъютант. П.К. фон Ренненкампф стал им в 1912 г., будучи уже в звании генерала от кавалерии.

⁵ *Дмитревский А.* Вожди русской армии // История Великой войны. М: Изд. Т-во Н.В. Васильева, 1916. Т. 2. С. 255. Назначен на эту должность 27 декабря.

⁶ *Гурко В.И.* Война и революция в России. М., 2008. С. 25-26.

⁷ *Врангель Н.Н.* Дни скорби. СПб., 2001. С. 36.

⁸ Полный текст песни см.: *Рыжкова Н.В.* Донское казачество в войнах начала XX века. М., 2008. С. 401-403.

штаба Варшавского военного округа (так что театр предстоящих в 1914 г. военных действий знал), в 1907 г. его назначили наказным атаманом Донского казачьего войска, а в 1909 г. – Туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского Военного округа и войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. Правда, генерал был болен астмой и перед началом Первой мировой находился на лечении на курорте.

Стоит несколько слов сказать и о Я.Г. Жилинским. Он в японскую кампанию состоял в должности начальника Полевого штаба Наместника на Дальнем Востоке, потом находился в распоряжении у военного министра. Уже в мирное время командовал кавалерийской дивизией и армейским корпусом, затем три года (до того, как в марте 1914 г. стал командующим войсками Варшавского военного округа и Варшавским генерал-губернатором) возглавлял Генеральный штаб, хотя, по сути, был больше дипломатом, нежели полководцем.

Как видно, командующими армиями были выбраны самые известные на то время генералы, в чьей компетентности мало кто сомневался. Поэтому упреки, будто во главе русских войск в Восточной Пруссии стояли случайные люди, без опыта командования войсками, являются домыслом и не соответствуют действительности. Да и кто на начало войны имел должный опыт командования армиями в боевой обстановке? Возьмем того же генерала А.А. Брусилова. 23 года он проработал в офицерской кавалерийской школе (четыре года будучи ее начальником), затем в 1906 г. получил в командование 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, потом – 14-й корпус. В 1912 году стал помощником командующего войсками Варшавского военного округа, а с 1913 г. – командиром 12-го корпуса. Говорить, что у этого генерала был опыт командования армией, язык не повернется, однако проявить себя талантливым полководцем он смог с первых же дней войны.

Кстати, у немцев «опыта» вождения войск в боевой обстановке было еще меньше, чем у русских, которые за плечами имели русско-японскую войну. Даже по послужному списку многие германские генералы отставали. М. фон Притвиц с 1906 по 1913 г. был командиром 16-го корпуса, а накануне войны оказался на «великой должности» генерал-инспектора 1-й армейской инспекции. Э. Людендорф карьеру сделал в германском штабе, где, кстати, участвовал в разработке плана Шлиффена, а также прикладывал все усилия, чтобы подготовить армию к войне. А «спаситель» П. фон Гинденбург на фронт попал, находясь уже в отставке. В свою бытность он также не поднялся выше командира корпуса.

На начало операции в совокупности армии Северо-западного фронта (а располагал он примерно 296 батальонами (около 19 дивизий), 196 эскадронами (около 9,5 кавалерийских дивизий) и 1140 орудиями)⁹ превосходили немцев. Зато противник (имея примерно 192 батальона и 95 эскадронов при 1131 орудии)¹⁰, искусно маневрируя, старался добиться превосходства на необходимых участках фронта, не только по численности, но и по огневой мощи. Однако нельзя забывать, что немцы активно использовали соединения ландвера¹¹, уступавшие по силе и выучке войскам первой линии. Интересно, что русское командование оценивало силы противника в три - четыре корпуса, несколько резервных дивизий и ландштурменных бригад, что несколько приуменьшало, но, в общем, соответствовало реальной обстановке (1-й, 17-й, 20-й армейские и 1-й резервные корпуса, 3-я и 35-я резервные, 1-я ландверная дивизии, 2-я, 9-я, 6-я, 70-я и 5-я ландверные бригады, 1-я кавалерийская дивизия и некоторые другие крепостные соединения).

Первые пограничные столкновения произошли вскоре после официального объявления войны. К примеру, 3 августа русская конница вошла в Эйдткунен. Впоследствии в этом районе кипели бои. 9 августа 2-я гвардейская кавалерийская дивизия генерала Г.О. Рауха взяла Ширвиндт. А 14 августа 1-я кавалерийская дивизия В.И. Гурко совершила набег на г. Маркграбову¹². В пограничный период войны, к сожалению, не удалось ни помешать противнику провести мобилизацию, ни раздобыть точных сведений о нем, однако набег Гурко смог на некоторое время ввести в заблуждение командование 8-й армией по поводу основного удара 1-й русской армии.

Интересно и то, что 12 августа (30 июля) недалеко от границы с Восточной Пруссией казак Кузьма Фирсович Крючков совершил знаменитый подвиг, за который стал первым георгиевским кавалером в начавшейся войне. Вместе со своими товарищами (В.А. Астаховым, И.Н. Щегольковым и П.П. Иванковым) он вступил в бой с немецким разъездом, численностью в 27 человек, из которых собственноручно убил 11 солдат, получив 16 ранений. В один день простой казак превратился в национального героя. Имя К.Ф. Крюčkова гремело по всей России, о нем писали в книгах, выходили брошюры и плакаты, статьи и заметки, ему посвящались стихи. Ф.И. Шестаков писал: «Донской казак Крючков удалый! // Едва над

⁹ Составители сборника документов «Восточно-Прусская операция» пишут, что, если из состава полевых войск выделить ту часть, которая «была оставлена для несения различных видов караульной службы, фактическая численность армий Северо-западного фронта в общей сложности не превышала 254 батальона, 178 эскадронов, 1140 орудий...» // Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 12. В указанных цифрах уже учтены 3-я гвардейская дивизия и 5-я стрелковая бригада, подошедшие к основным войскам 2-й армии к 27 августа и участвовавшие в Танненбергской битве.

¹⁰ См.: *Евсеев Н.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг). М.: Воениздат, 1936. С. 26. В число орудий входят и 200 орудий, находившихся в Кенигсберге.

¹¹ Ландвером называлась категория военнообязанных граждан 2-й очереди.

¹² См. подробнее: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 99-129, 145-174; *Рогвольд В.* Усиленная разведка Маркграбову 14 (1) августа 1914 года. М., 1926.

Русскою землей // Раздался гром войны кровавой, // Как ты достойно новой славой // Успел прославить Дон родной»¹³.

Полномасштабное вторжение в Восточную Пруссию началось 17 августа, когда 1-я армия (6,5 пехотных¹⁴ и 5,5 кавалерийских дивизий при 402 орудиях¹⁵) генерала П.К. фон Ренненкампа, дислоцировавшаяся на территории нынешней Литвы, перешла границу. Русские войска не окончили мобилизацию и не были полностью готовы к наступлению: ведь еще не наладили ни связь, ни тылы. Однако решение о начале операции приняли не только из-за желания захватить инициативу, надежды на скорую победу, но и под давлением Франции, чьи армии отступали под мощнейшим напором германцев, стремительно двигавшихся к Парижу.

Но не стоит рассматривать развернувшиеся события в Восточной Пруссии как некий безвольный придаток к боям во Франции, когда русское командование лишь из-за требований союзников бросает более двух десятков дивизий на верную гибель. Как покажут события, у 1-й и 2-й армий были все возможности разгромить противника. В случае успеха снималась опасность с севера для русских войск, сражавшихся в Польше, а также открывалась дорога на Берлин. Не сложно понять и позицию союзников, против которых развернулась вся ударная мощь кайзеровских армий. А разгром Франции для России имел бы непоправимые последствия. Более того, многие забывают, что в это время на западе немцы только начинали охватывать левый фланг французов, которые, кстати, недооценивали развернувшуюся там вражескую группировку и сами вели активные действия в Эльзасе и Лотарингии. Положение еще не стало критичным, и наши союзники пока питали надежду на благополучный исход. А потому заявления некоторых историков, будто русские армии начали наступление ввиду критической обстановки на западе (или тем более сказки о «слезных стояниях на коленях» союзных послов), являются, по крайней мере, неточными.

Несмотря на то, что операция действительно зависела от оперативности и слаженности действий обеих армий, вероятность ее успеха была относительно высокой, особенно если бы русское командование более внимательно отнеслось к подготовке наступления (а также к его проведению). То с какой легкостью, вернее - беспечностью, оно отнеслось к боям в Восточной Пруссии, подтверждает то, что уже 26 августа (когда П.К. фон Ренненкампу только отдадут приказ об обложении Кенигсберга, а 2-я армия вступает в роковую Танненбергскую битву) генерал-квартирмейстер при ставке генерал Данилов в «Записке для памяти» рассматривает очищение от противника Восточной Пруссии лишь делом времени. А в это же время начинается конфликт между МВД, Ставкой и

¹³ Цит. по: *Корягин С.В.* Крючковы и другие. М., 2003. С. 8.

¹⁴ Сосредоточенные (от левого фланга к правому) в 4-й, 3-й и 20-й армейские корпуса. Кроме того, одна кавалерийская дивизия располагалась на левом фланге, а все остальные – на правом.

¹⁵ Восточно-Прусская операция. С. 12. И при том, ни одного тяжелого орудия.

главнокомандованием Северо-Западным фронтом (разумеется, в лице Я.Г. Жилинского) по поводу будущего генерал-губернатора провинции. Судя по тому, как готовилась в августе 1914 г. Восточно-Прусская операция, трудно сказать, что командование действительно опасалось поражения. Иначе бы оно не стало выдергивать уже с начала мобилизации части из 1-й и 2-й армий. Иначе бы оно не стало оставлять в крепостях, в т.ч. и в Варшаве, крупные силы. Иначе бы оно не стало начинать наступление, полностью не подготовив войска. Иначе бы оно не стало параллельно формировать 10-ю армию для прямого удара на Берлин. И наконец, иначе бы оно не было так уверено, что после первого же поражения немцы захотят оставить всю Восточную Пруссию. Здесь, скорее всего, мы имеем дело с излишней самоуверенностью, граничившей чуть ли не с безрассудством, и легкомыслием одновременно, со стремлением осуществить грандиозные планы, даже с тщеславным и горячившем кровь желанием окутать себя славой спасителей Парижа и еще раз получить ключи от Берлина, что, безусловно, переплеталось и с чувством долга перед союзниками. Не стоит благородством прикрывать глупость и ошибки. А миф о «самоотверженности русских войск, приносящих себя в жертву во имя спасения Франции», скорее всего, был придуман постфактум для оправдания в глазах общественности гибели русских армий (а из газетных статей это быстро перекачивало в исследования как эмигрантских, так и в советских историков).

Однако вернемся к исследованию операции. 8-я немецкая армия сосредотачивалась в районе р. Ангерапп, надеясь как можно дальше заманить врага (в данном случае войска П.К. фон Ренненкампа), затем, действуя в обход правого фланга, разгромить его прежде, чем другая русская армия (генерала А.В. Самсонова) успеет зайти в тыл. Препятствовать последней, прикрывая южные границы провинции, должен был усиленный 20-й корпус генерала Ф. фон Шольца.

Операция, кончившаяся для наступающих разгромом, «не заладилась» с первых же дней. Части 1-й армии перешли границу неравномерно. В результате центральный 3-й армейский корпус (25-я и 27-я пехотные дивизии) генерала Н.А. Епанчина выдвинулся вперед и в районе Шталлупенена был неожиданно атакован 1-м германским корпусом генерала Г. фон Франсуа. На приказ отступить, последовавший от командующего армией, он заносчиво ответил: «Передайте генералу фон Притвицу, что генерал фон Франсуа прекратит бой, когда разобьет русских»¹⁶. Эта невероятная самоуверенность, основанная на неверном предположении, будто удар придется по правому флангу вражеской армии, чуть не обернулась трагедией, ведь растрчивать силы в мелких боях накануне общего сражения не просто бессмысленно, но и опасно.

¹⁶ Цит. по: Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество. М., 2003. С. 151.

Особо упорные бои завязались на фронте 27-й дивизии, которая поначалу стала теснить врага. Неожиданно во второй половине дня немцы ударили во фланг и тыл левофланговому 105-му Оренбургскому полку, шедшему без должной разведки и первоначально перепутавшему врага с частями соседней 40-й дивизии, которая на самом деле оторвалась в сторону и действовала без связи с соседом справа. Германцы разгромили оренбуржцев, тем самым расстроив все наступление: бегущие солдаты внесли панику в некоторые другие полки¹⁷. Командиру 27-й дивизии генералу А.М. Адариди пришлось собирать войска у границы.

Одновременно немцы пытались охватить и правый фланг 25-й дивизии (наступала справа от 27-й), но встретили жесткий отпор. А на помощь тут же подоспела соседняя русская 29-я дивизия, которая потеснила противника и сама нависла над его флангом, а у Бильдервейчен взяла первые трофеи: 7 орудий, 12 зарядных ящиков и 2 пулемета. Их потеря объясняется преждевременным отходом немецкой пехоты (редкий случай проявления немецкой нерасторопности), а не героическими действиями русских войск. Кроме того, удалось захватить и немецких пленных, в основном раненых, и интендантские запасы.

В это время М. фон Притвиц еще раз отдал приказ отступить, и Г. фон Франсуа начал отходить на Гумбиннен. Промедли, он мог бы быть окружен сводным кавалерийским корпусом Хана Нахичеванского (более 3-х кавалерийских дивизий). Правда, находясь на правом фланге, генерал Нахичеванский 17 августа вообще ничего не знал о происходящем бое и в этот день ограничился лишь тем, что выбил из Пилькаллена немецкую кавалерийскую дивизию. Но непосредственно над левым флангом корпуса Г. фон Франсуа уже висела 29-я дивизия. Как бы там ни было, немцам удалось благополучно отойти, во многом благодаря медлительности и нерешительности русских.

В чем же итог описанного боя, пусть и небольшого, но первого крупного столкновения с противником? Общие потери 27-й дивизии составили 63 офицера и 6664 солдата; 1-я армия приостановила наступление до середины следующего дня, а германцы, что самое важное, окончательно установили истинное направление движения врага (в штабе 8-й армии первоначально предполагали, что П.К. фон Ренненкампф направит удар несколько южнее). Вместе с тем остановка русских была не в интересах немцев, которые предполагали заманить противника как можно глубже и затем нанести ему сокрушительное поражение, прежде чем сами не получат удар с юга по тылам. Однако как ни странно, Шталлупененский бой, который велся русскими дивизиями без координации (т.е. без участия) со стороны командующего армией, де-факто стал успехом немцев. Если бы не трагедия со

¹⁷ См.: Боевые действия пехотной дивизии. Сборник исторических примеров // Под общей ред. Н.А. Таленского. М., 1941. В.1. С. 5-17; Радус-Зенкович Л. Значение фланга в бою 3 армейского корпуса 4/17 авг. 1914 г. // Военно-Исторический Сборник. М.: ВВРС, 1919. Вып. 1. С. 70-95.

105-м полком и более уверенные действия 29-й дивизии, корпус Г. фон Франсуа был бы разгромлен (а так потери составили свыше 1200 человек),¹⁸ а последующие успехи противника оказались бы попросту невозможны.

Возобновив наступление, 1-я русская армия начала продвигаться вперед, выйдя к исходу 19 августа к Гольдапу и Гумбиннену. П.К. фон Ренненкампф хотел на следующий день назначить дневку, но у М. фон Притвица на 20 августа были другие планы: опасаясь скорейшего вторжения 2-й русской армии, он решил разбить русских.

Первые столкновения на отдельных участках фронта начались еще накануне, однако само сражение, вошедшее в историю под названием Гумбинненского (или Гумбиннен-Гольдапского), развернулось 20 августа. Непосредственно на поле боя (если учесть, что часть сил 1-й армии вообще не приняла в нем участие) немцы имели превосходство как по живой силе, так и по числу орудий.

1-му корпусу генерала Г. фон Франсуа удалось нанести поражение правофланговой 28-й дивизии генерала Н.А. Лашкевича (из состава 20-го корпуса генерала В.В. Смирнова), которая была вынуждена отступить, понеся немалые потери.

Интересно было бы остановиться на следующем, казалось бы, рядовом боевом эпизоде. В районе Ушбаллена оборонялись части III-го пехотного полка, с самого утра атакованные противником. Как писал начальник 28-й русской дивизии генерал Лашкевич: «К 7 час. 30 м. утра огонь артиллерии противника сосредоточился главным образом на моем правом фланге в районе Ушбаллен... Положение правого фланга очень серьезное. Резерв почти весь израсходован, сейчас (8 час. 35 мин. утра) идет сильнейшая артиллерийская канонада по всему фронту»¹⁹. В 10-м часу немцы наконец-то сломили нашу оборону, и полк стал отступать. Тогда начальник дивизии отдал следующий приказ: «Ни пяди назад!». Однако это не только не изменило положение, но и привело к тому, что наиболее доблестные роты были окружены и погибли.

Но после отхода всей 28-й дивизии враг развить наступление не смог. Соседняя 29-я русская пехотная дивизии генерала А.Н. Розеншильд-Паулина в результате умелого командования смогла отразить все атаки и не дать обойти себя с правого фланга. А во второй половине дня части 28-й дивизии неожиданно перешли в контратаку, что вызвало в германских частях замешательство и даже панику, которую удалось, правда, быстро подавить.

Однако 1-я немецкая кавалерийская дивизия совершила набег по тылам русской армии в обход ее правого фланга, сумела разгромить штаб армии, тем самым нарушив

¹⁸ См.: *Эстрейхер-Егоров Р.А.* Империалистическая война 1914-1918 гг. Маневренный период. Ч. 2. Гумбинненское сражение (активная оборона в армейской операции). М., 1933. С. 103.

¹⁹ Восточно-Прусская операция. С. 192.

управление войсками, по этой причине генерал П.К. фон Ренненкампф фактически не вмешивался в ход сражения до самого вечера. Успехи немецкой кавалерии стали реальностью из-за отсутствия на нашем правом фланге войск Орановского и Нахичеванского. В чем же дело? Где же находились более 3,5 кавалерийских дивизий²⁰, из которых две – гвардейские?

Еще накануне, 19 августа, конный корпус Хана Нахичеванского был направлен за р. Инстер в направлении на Инстербург. Но осуществить задачу полностью не удалось. У ручья Инстер, в районе Краупишкена, кавалеристы столкнулись со 2-й ландверной бригадой. Завязался упорный бой, особенно у д. Каушен, где сражались полки обеих гвардейских кавалерийских дивизий. К вечеру противник потерпел поражение и отступил. Именно в этом столкновении совершил известный подвиг ротмистр барон П.Н. Врангель: он вместе со своим 3-м эскадром лейб-гвардии Конного полка в лихой атаке овладел деревней Каушен и захватил два неприятельских орудия, передки которых уничтожил артиллерийский огонь батареи полковника князя Эристова. Но гвардия понесла в этом бою немалые потери: 81 человек убит, 293 ранен и 22 пропали без вести. У германцев 66 солдат погибло, 122 было ранено, а 30 пленено. Русские захватили 2 орудия и 4 зарядных ящика²¹.

Однако Хан Нахичеванский самовольно отвел дивизии в тыл, мотивируя решение чувствительными потерями и нежеланием рисковать, за что чуть ли не поплатился должностью. Впрочем, начальник отдельной кавалерийской бригады генерал Н.А. Орановский (кстати, младший брат начальника штаба фронта В.А. Орановского) из-за того, что его войска 20 августа не оказали помощи 28-й дивизии, был отстранен от командования. Но вернемся непосредственно к ходу Гумбинненского сражения.

Довольно неясная ситуация сложилась и на левом фланге 1-й армии, где располагались части 4-го армейского корпуса: в ходе тяжелых боев под конец дня ни одна сторона так и не смогла взять верх, хотя германцы все же немного потеснили левый фланг, что дало бы им преимущество на следующий день.

Но наиболее упорные бои шли в центре, где с самого утра 3-й русский корпус генерала Н.А. Епанчина (бывший директор Пажеского корпуса, сын адмирала Алексея Павловича), выдерживал атаки войск 17-го немецкого корпуса генерала А. Макензена. Многочисленные атаки в первой половине дня были отбиты, а во второй уже сами русские перешли в контрнаступление. Не выдержав натиска, противник покинул поле боя, прикрывая

²⁰ Из-за неполного состава 2-й кавалерийской дивизии ее полки были объединены с 3-й кавалерийской дивизией в одну общую Сводную дивизию. А генерал Н.А. Орановский командовал 1-й отдельной кавалерийской бригадой.

²¹ *Гончаренко О.Г.* Три века императорской гвардии. М., 2006. С. 176-184; *Кочубей В.* Еще о Каушенском бое (Ответ на статью под этим заглавием в № 45 «Военной были») // Военная быль. 1961. № 48. С. 22-26; *Бассен-Шпиллер П.* Еще о Каушенском бое: Действия отряда полковника Кобиева // Военная быль. 1962. № 54. С.15-17; *Воронович Н.* Всевидящее око: Из быта русской армии // Новый Часовой. Санкт-Петербург, 2006. № 17-18. С. 185, 188-192; *Скрябин А.А.* Мирное и боевое прошлое Л. Гв. Конно-гренадерского полка. Париж, 1967.

отход огнем артиллерии. 27-я русская дивизия в ходе недолгого преследования взяла 12 орудий, 25 зарядных ящика, 3 исправных и 10 разбитых пулеметов, 2000 винтовок и около 1000 пленных²².

Под вечер М. фон Притвиц, получив сообщение о тяжелом положении на фронте и о том, что 2-я русская армия генерала А.В. Самсонова уже пересекла границу, неожиданно запаниковал и приказал отступить. П.К. фон Ренненкампф не преследовал. Первые распоряжения гнать неприятеля он сразу же отменил, ведь войска устали, тоже понесли потери (в 28-й дивизии они составили до 60% личного состава, считая, что в бою могло участвовать только 12 батальонов), тылы были не налажены. Известно, что от победы до поражения – один шаг, а в успехе преследования никто из русских генералов не мог быть уверен. Сомнительно, чтобы какие-либо части, кроме дивизий Нахичеванского, Гурко и Епанчина (27-я пехотная дивизия), могли бы физически вести преследование. А если учесть огромный расход артиллерии, то становится ясно: было бы самоубийством кидаться вслед противнику. Генерал П.К. фон Ренненкампф, видимо, прекрасно понимал это, в отличие от его последующих критиков.

М. фон Притвиц, находясь под впечатлением от успехов противника, поначалу решил оставить всю Восточную Пруссию, чтобы только сохранить войска. В противовес квартирмейстер армии Грюнерт и начальник оперативного управления М. Гофман доказывали, что положение на поле боя благоприятное, и если продолжить сражение на следующий день, то противника удастся разбить. Но М. фон Притвиц настоял на отходе. Если бы германцы решились 21 августа атаковать, то оказались бы полностью разгромлены. Ведь русская кавалерия 20 августа отдыхала в тылу и на следующий день могла бы изменить ситуацию, оказавшись на поле боя.

Вскоре командующий 8-й армией успокоился, увидел, что нет необходимости оставлять Восточную Пруссию, и уже собрался атаковать русскую наревскую армию, соглашаясь с подобным предложением М. Гофмана²³. Но было поздно... Верховному командованию паника на востоке оказалась не нужна. М. фон Притвиц и граф Вальдерзее

²² О Гумбинненском сражении подробнее см.: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 186-209; Будберг А.П. Гумбиннен – забытый день русской славы. Париж, 1937; Вацетис И.И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. М., 1923. С. 37-52; Радус-Зенкович Л. Очерк встречного боя по опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. М., 1921; Эстрейхер-Егоров Р.А. Гумбинненское сражение. (Активная оборона в армейской операции). М., 1933; Яманов А.А. Встречный бой. М., 1959. С. 158-170; Боевые действия пехотной дивизии. Сборник исторических примеров // Под общей ред. Н.А. Таленского. М.: Воениздат, 1941. В. 1. С. 17-37; Успенский А.А. На войне. Восточная Пруссия – Литва 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 38-50; Коленковский А. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 184-187.

²³ См.: Гофман М. Записки и дневники. 1914-1918. Л., 1929. С. 21-22.

неожиданно для себя лишились своих постов. Они даже узнали об этом позже, нежели подчиненные им генералы²⁴.

Новым командующим (официальное назначение пришло во второй половине дня 22 августа) стал генерал П. фон Гинденбург, вызванный из отставки, а должность начальника штаба занял один из талантливейших немецких генералов Э. Людендорф, уже успевший отличиться взятием сильнейшей бельгийской крепости Льеж. Начальник генштаба Г. фон Мольтке (фактический главнокомандующий, номинальным же считался кайзер Вильгельм II) в письме Э. Людендорфу говорил: «Может быть, вы еще спасете положение на Востоке»²⁵. В сложившемся дуэте, как в августе 1914 г., так и в дальнейшем, первенствовал все же генерал Э. Людендорф: именно он внес большой вклад в предстоящие победы.

Новоиспеченные командующие прибыли на театр военных действий днем 23 августа и сразу начали осуществлять переброску всей 8-й армии против войск генерала А.В. Самсонова, оставив перед П.К. фон Ренненкампом небольшой заслон.

Передислокацию всех сил против наступающей армии Самсонова, как уже видно, нельзя назвать изобретением ни Э. Людендорфа, ни, тем более, П. фон Гинденбурга: ее начали готовить уже при М. фон Притвице. Более того, еще до войны на штабных играх²⁶ выработали схожий план действий (сокрушительный удар по Наревской армии). Но одно дело – в мирное время и во время маневров, а другое – после поражения под Гумбинненом. И здесь нельзя не признать заслугу новых командующих 8-й армией: они, воспользовавшись ошибками и просчетами противника, твердым и достаточно умелым руководством (хотя тоже не без погрешностей) сумели добиться успеха. А ошибок и просчетов русские генералы допустили достаточно.

После того, как немцы отступили из-под Гумбиннена, 1-я армия два дня простояла на занятых позициях, налаживая управление и работу тылов, но дав противнику возможность успешно отойти, ошибочно предполагая, будто он отходит на рубежи р. Инстер. В приказе по армии от 22 августа говорилось: «7 августа неприятель отбит на всем фронте, отошел на несколько верст назад и укрепляется»²⁷.

Хотя, если быть предельно точным, небольшие бои шли на фронте 4-го корпуса, который в результате утром 22 августа взял г. Даркемен²⁸. Кстати, в этот же день из состава 2-й армии П.К. фон Ренненкампу отдали правофланговый 2-й армейский корпус генерала С.М. Шейдемана. А 23 августа в наступление двинулась вся 1-я армия, однако она потеряла соприкосновение с противником, а восстановить его не удалось.

²⁴ Там же. С. 24.

²⁵ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М.; Минск, 2005. С. 44.

²⁶ А результаты этих игр были известны русскому командованию.

²⁷ Восточно-Прусская операция. С. 212.

²⁸ Ныне – г. Озерск Калининградской области.

Ее внимание было больше приковано к крепости Кенигсберг. На следующий день русские заняли Инстербург, вечером 25-го – Велау, к исходу 27 августа вплотную подошли к р. Дейма (хотя 2-я гвардейская кавалерийская дивизия вышла в этот район раньше). Левофланговый 2-й корпус, который командующий 1-й армией стал притягивать к основным войскам, сначала был в районе Летцена и Ангебурга, а 27 августа авангардами занял Растенбург и Луизенгоф. Рядом действовала 1-я кавалерийская дивизия В.И. Гурко, части которой тогда же (27 августа) столкнулись с противником у ст. Коршен, а один из разведывательных эскадронов вошел в Рессель.

П.К. фон Ренненкампф действовал приказу Я.Г. Жилинского от 26 августа, который предписывал: «1) обложение Кенигсберг частью сил, примерно, двумя корпусами, впредь до замены их резервными дивизиями; 2) преследование остальными силами армии той части войск противника, которая, не укрывшись в Кенигсберг, стала бы отступать к Висле»²⁹.

Как видно, русское командование не знало о переброске противником основных сил против А.В. Самсонова. В 1-й армии разведка, несмотря на большие массы конницы, была организована довольно слабо. В штабе получали отрывочные сведения об отходе немцев на Растенбург и Кенигсберг³⁰, но, как 26 августа (когда начались первые атаки против войск А.В. Самсонова) П.К. фон Ренненкампф сообщал Я.Г. Жилинскому: «донесений о том, куда отошли разбитые части 1-го и 17-го корпусов, еще не поступало»³¹.

Впрочем, немцы действительно отступали в указанных направлениях, только русское командование неправильно интерпретировало поступающие сведения. Упившись первыми успехами, оно до конца не осознало, что действия противника не бегство, а выполнение четкого плана, когда вся 8-я армия должна появиться на фронте 2-й русской армии, которая в эти дни развивала наступление с целью охватить противника.

В распоряжении у А.В. Самсонова находилось больше войск, чем у П.К. фон Ренненкампа (считая с левого фланга на правый, силы располагались следующим образом: 15-я и 6-я кавалерийские дивизии, 1-й, 23-й, 15-й, 13-й и 6-й армейские корпуса, 4-я кавалерийская дивизия), но они тоже не были полностью готовы к наступлению. Особенный раздрой был тылах, поэтому нет ничего удивительно, что порою войскам приходилось голодать, а вернее питаться «местными средствами». Кроме того, 1-й армейский корпус хоть и подчинялся генералу А.В. Самсонову, но в состав армии не входил и должен был находиться в районе Сольдау, обеспечивая левых фланг армии. Из состава 23-го корпуса к началу операции на фронте оказалась одна дивизия. Другая, 3-я гвардейская, прибыла только через неделю, хотя успела принять участие в Танненбергском сражении.

²⁹ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 220. Командующим войсками обложения назначался комендант крепости Ковно генерал В.Н. Григорьев (Там же. С. 230).

³⁰ Восточно-прусская операция. С. 217, 218.

³¹ Там же. С. 221.

Более: с подачи союзников, русское командование зацепилось за идею прямого удара на Берлин через Познань. Для этого в районе Варшавы срочным образом формировалась новая армия, в состав которой попали корпуса, прежде предназначенные для наступления в Восточной Пруссии. Таким образом, не сосредоточив все силы на одном направлении, командование фронтом допустило достаточно серьезный промах.

Стоит пару слов сказать и о штабе 2-й армии. Если штаб Виленского военного округа формировал штаб 1-й армии, то штаб Варшавского военного округа - штаб не только 2-й армии, но и всего Северо-Западного фронта. Понятно, что лучших офицеров Я.Г. Жилинский забрал к себе, а 2-й армии пришлось довольствоваться тем, что осталось. Или пришлось туда назначать офицеров из других округов. Как говорится, с миру по нитке. В результате же штаб 2-й армии, на которую возлагалась серьезная задача, составили люди вместе не сработавшиеся, не составлявшие, образно говоря, единое целое.

Более того, генерал Я.Г. Жилинский всячески подгонял эту армию, которой и так приходилось идти через лесистые, болотистые и песчаные районы севернее р. Нарев, без удобных дорог. Нельзя не упомянуть и про разногласия между командующим фронтом и А.В. Самсоновым. Последний считал (как полагают многие исследователи, вполне обоснованно), что необходимо наступать не строго на север, а западнее, чтобы глубже охватить противника. Уже изначально А.В. Самсонов стал уклоняться несколько западнее направления, намеченного главнокомандующим фронтом, однако тем самым растягивая фронт.

23 августа командующий 2-й армией представил в штаб фронта соображения о том, чтобы перенести удар западнее, на железнодорожную ветвь Аллейштайн – Остероде. Это помогло бы глубже охватить противника, а само решение отвечало складывающейся обстановке. Да и войска могли базироваться на железной дороге от Млавы, что помогло бы лучше устроить тыл. Однако это предложение было отклонено. Хотя тогда же 23 августа в 4 часа 20 минут дня А.В. Самсонов получил от Я.Г. Жилинского известие, что «германские войска после тяжелых боев, окончившихся победой над ними армией ген. Ренненкампа, поспешно отступают, взрывая за собой мосты». В связи с этим было приказано наступать на фронт Зенсбург – Алленштайн. Подобный компромисс вряд ли полностью отвечал обстановке.

Позиция главнокомандующего фронтом вполне понятна. Он опасался отрыва друг от друга 1-й и 2-й армий и хотел, чтобы внутренние фланги как можно скорее сомкнулись. Однако взаимодействие можно было обеспечить за счет не только 2-й армии, но и 1-й. В то время, когда Я.Г. Жилинский разрешил 2-й армии все-таки перенести удар западнее (25 августа), он приковал внимание войск П.К. фон Ренненкампа к крепости Кенигсберг (26 августа). К тому же распоряжения Я.Г. Жилинского вели лишь к вытеснению немцев из

Восточной Пруссии, а также ставили центральные корпуса А.В. Самсонова в крайне опасное положение в случае удара по левому флангу армии и прорыва в тыл. Вообще, крепости как магниты притягивали внимание русского командования, играя с ним злую шутку, заставляя на них обращать излишне большое внимание. Параллельно ту же ошибку делал генерал Н.В. Рузский на Юго-Западном фронте, ведя наступление в сторону Львова, стремясь захватить его (вместо того чтобы ударить севернее, угрожая флангу и тылу австрийцев).

23-24 августа в районе Орлау – Франкенау разгорелось сражение между 15-м корпусом генерала Н.Н. Мартоса (при содействии 13-го корпуса, который непосредственного участия в бою не принял) и 20-м немецким корпусом, который в результате кровопролитного боя был отброшен, потерпев поражение.

Однако, продолжая наступление, командующий 2-й армией начал запрашивать у штаба фронта возможность нанести удар на железнодорожную ветвь Алленштайн – Остероде. Ведь противник-то отошел на северо-запад, а на северо-востоке, согласно данным разведки, никаких сил немцев нет! Нужно преследовать врага, а не бить по пустому месту! Этот факт пришлось признать и командованию фронтом, поэтому уже 25 августа А.В. Самсонов повел наступление в требуемом им ранее направлении. Но удар наносился довольно странно: всего лишь силами 2,5 корпусов, в то время как два других корпуса и три кавалерийские дивизии наступление только обеспечивали. Так получилось во многом из-за не полностью продуманных приказов фронтового командования (да и армейского в том числе). В итоге армия растянулась.

Помимо «статичного» 1-го корпуса (кстати, вина по большей части Ставки), Я.Г. Жилинский потребовал и правофланговый 6-й армейский корпус генерала А.А. Благовещенского вместе с 4-й кавалерийской дивизией направить на прикрытие направления от Алленштайна до Мазурских озер, что оторвало эти войска от всех остальных частей, сделав правый фланг удобной целью для противника. Впрочем, 26 августа Я.Г. Жилинский, видимо, осознав свою оплошность, разрешил командующему 2-й армией использовать 6-й корпус по своему усмотрению, но как покажут события, это было уже поздно.

Двигаясь практически вслепую, А.В. Самсонов не знал, что враг уже сосредоточил перед ним основные силы. Во многом основываясь на неточных сведениях штаба фронта об обстановке и слепо подгоняемое им вперед, командование армии до конца не понимало ситуацию. Командующий, правда, исходя из по большей части ошибочных сведений, справедливо опасался за левый фланг. Он менее оптимистично оценивал обстановку и в итоге принял решение - усилить левый фланг примерно 1,5 дивизиями (что явно не хватало бы на задержку противника), продолжив общее наступление: останавливаться ему строжайше запретили, а из всех вариантов, выбранный казался оптимальным (учитывая приказы сверху). К 1-му корпусу Л.К. Артамонова были направлены: 1-я стрелковая бригада, тяжелый

артиллерийский дивизион 23-го корпуса и 9-й саперный батальон, а затем генералу Л.К. Артамонову подчинили еще две соседние кавалерийские дивизии (6-ю и 15-ю). Вероятно, перенося удар на фронт Алленштайн - Остероде командующий армией не только планировал преследовать отходящего противника, но и содействовать левому флангу: атакуя против Артамонова, немцы сами могли получить удар во фланг наступающей группировки. Казалось, что нужно только «дожать» противника, то он, и так разбитый 1-й армией³², а также потрепанный в бою 23-24 августа, полностью покинет провинцию.

Однако к 26 августа 2-я армия устала после долгих дней движения, уже возникли серьезные проблемы со снабжением, ведь тылы-то полностью устроить не успели. Некоторые части голодали, или вернее старались питаться местными средствами. Все предложения о дневке Я.Г. Жилинский отклонил.

А оптимизму высшему командованию было не занимать, причем: чем дальше от линии фронта - тем больше. Так, 26 августа в разговоре со штабом Северо-Западного фронта генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов вообще передал, что верховный главнокомандующий желает «покончить поскорее с Восточной Пруссией»³³. Не наладив четкого управления, что должно было бы выражаться в повышении осведомленности о происходящем во всех вышестоящих инстанциях, командование фронтом (и Ставкой заодно) вырисовали себе в голове иллюзорную «картину мира», которую очень не хотели рушить и которая довлела над обстановкой, порождая неверные приказы и толкая тысячи русских солдат к гибели. Общую эйфорию не смогли сломить даже и тревожные отрывистые сообщения о передвижении немцев и появлении новых частей, поступавшие как в штаб фронта, так и в Ставку. Хотя нельзя сказать, что генералы не отдавали себе отчета в происходящем, так, если верить мемуарам Ю.Н. Данилова, в эти дни ставка обеспокоилась правым флангом, а также отдаленным и недостаточно активным положением 1-й армии. Но общей картины это, по-видимому, не изменило.

Говоря о причинах поражения 2-й армии, отметим, что сыграла роль и нераспорядительность ближнего начальства: приказы о дальнейшем движении присылались довольно поздно, если не утром следующего дня, в результате полки не только задерживались в выступлении, но и не всегда успевали выбрать удачную дорогу. Более того, ненадежность русского радио (многие сообщения передавались прямым текстом) помогла немцам правильно ориентироваться в сложившейся обстановке: германцам удалось перехватить русские телеграммы, откуда они узнали о планах и расположениях противника. И это не единственный случай на протяжении всей войны. Так что Танненбергское сражение противник начинал, имея достаточно точные сведения о намерениях противника. Военному

³² Восточно-Прусская операция. С. 263.

³³ Восточно-Прусская операция. С. 280.

везению П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа в этой операции мог бы позавидовать сам Наполеон!

Отметим, что в это время в Кобленце, где находилась немецкая Ставка, достаточно серьезно оценивали события в Восточной Пруссии. Ведь судьба Европы (если не всего мира), как полагали германцы, сейчас решалась на западе, в боях против Франции, Бельгии и Англии. А захват Восточной Пруссии с дальнейшим ударом на Берлин мог спутать все карты. В связи с этим Г. фон Мольтке 26 августа отдал приказ перебросить на восток Гвардейский резервный и II-й корпуса, высвободившиеся после падения одной из сильнейших бельгийских крепостей Намюр. Также на восток стала перекидываться и 8-я кавалерийская дивизия.

26 августа немцы силами двух корпусов и одной ландверной бригады атаковали 6-й корпус, находящийся в районе севернее Бишофсбурга. В итоге русская 4-я пехотная дивизия потерпела поражение, и остальные войска стали отступать. А.А. Благовещенский не только не смог остановить отходящие соединения и отвел их к Бишофсбургу, но и на следующий день отступил к Ортельсбургу. Таким образом, правый фланг оказался оголен. Об этом не был извещен соседний 13-й корпус, да и в штабе армии узнали об отходе только в середине 27 августа³⁴. Кроме того, в центре в этот день потерпела поражение и начала отходить 2-я пехотная дивизия (из 23-го корпуса, шедшая между 1-м и 15-м корпусами),³⁵ которой все же удалось остановиться в районе дд. Янишкау и Скоттау³⁶. На следующий день одна ее часть пыталась удержаться на новой позиции у Франкенау, а другая, измученная, в беспорядке, под впечатлением вчерашнего боя, но без давления со стороны противника, отходила к Нейденбургу (где, кстати, располагался штаб армии). Только 28 августа эти полки удалось привести в порядок и отправить на удерживаемые рубежи.

27 августа решающие сражения развернулись на левом фланге армии в районе г. Уздау, позиции у которого занимал 1-й корпус генерала Л.К. Артамонова. Против него наступал усиленный 1-й немецкий корпус. Первые бои завязались накануне, но только завтра они продолжились с новой силой. Германцам вскоре удалось занять Уздау, но одновременно противник смял их правый фланг. Казалось: достигнут большой успех. Однако случилось непредвиденное: русские начали отступать.

Историки спорят о причинах отхода. Одни утверждают, что Л.К. Артамонов корпуса просто трусил. Другие доказывают, что здесь поработали немецкие радисты, которые послали ложный приказ об отходе. Во что, кстати, существует немало оснований верить (ибо не понятно, чего было бояться Л.К. Артамонову), т.к. ранее немцы уже передавали подобные «приказы», пытаясь расстроить наступление 2-й армии.

³⁴ Восточно-Прусская операция. С. 565.

³⁵ 2-я пехотная дивизия генерала И.Ф. Мингина поначалу подчинялась командиру 15-го корпуса. Сам командир 23-го корпуса генерал К.А. Кондратович прибыл на фронт только 27 августа.

³⁶ Восточно-Прусская операция. С. 588.

В итоге части 1-го корпуса перемешались, некоторые из них оказались к концу 27 августа не только у Зольдау (хотя отдельные полки здесь все же смогли занять оборону), но даже южнее. Однако еще в середине дня Л.К. Артамонов доносил, что «стоит как скала». Хотя вполне возможно, это отражает полное непонимание обстановки на фронте своего корпуса. Когда вечером А.В. Самсонов узнал об отступлении корпуса, он отстранил от должности командира, назначив взамен генерала А.А. Душкевича. Впрочем, немцы, сами понесшие потери и достаточно расстроенные, не сразу поверили в такой успех, думая, будто русские имеют хорошо подготовленные к обороне позиции, а потому не решались кидаться в преследование.

Вообще, как уже выше отмечалось, 1-й корпус хоть и подчинялся командующему 2-й армией, но в ее состав не входил. Двигать корпус севернее Зольдау (что в действительности сделал А.В. Самсонов) воспрещалось без специального на того позволения верховного главнокомандующего вл. кн. Николая Николаевича. Тот предоставил в распоряжение Я.Г. Жилинского это соединение 26 августа³⁷. Разрешение использовать их в текущей операции от командующего фронтом последовало на следующий день, но в штаб армии пришло только 29 августа³⁸ и вряд ли уже могло изменить ситуацию. Впрочем, А.В. Самсонов не очень церемонился с этим запретом, двинув корпус к Уздау. К тому же двигать корпус глубже было действительно опасно, ибо могло привести к полному разгрому 2-й армии.

А что в тот день, 27 августа, когда войска Л.К. Артамонова откатывались к границе, происходило в центре? 15-й корпус вел упорные (и относительно успешные) бои в районе д. Мюлен. Адвигающийся справа 13-й корпус генерала Н.А. Ключева, направив одну бригаду на Гогенштейн для оказания помощи соседу слева, большую часть дня провел, маршируя на Алленштайн, который занял вечером. Как видно, несмотря на то, что у А.В. Самсонова для нанесения удара было не так много сил, 13-й корпус два дня сражения вообще «прогулял», не имея серьезных столкновений с противником. Не обнаружив противника и не зная о положении 6-го корпуса (соседа справа), Н.А. Ключев вечером 27 августа получил приказ оказать более действенную помощь Н.Н. Мартосу. Для этого 13-й корпус утром выступил в район западнее Гогенштейн, правда, тем самым подставляя свой тыл под удар со стороны тех вражеских сил, которые отбросили 26-го августа войска А.А. Благовещенского.

Интересно, что разведка 13-го корпуса обнаружила эти войска. Наши самолеты докладывали, что с востока движутся две колонны силами в дивизию каждая. Разобрать, русские ли это или немцы летчикам не удалось, но все решили, что это и есть 6-й корпус, который должен был подойти к Алленштайну.

³⁷ «Великий князь предоставляет в полное распоряжение ген. Жилинского собранные в районе Сольдау части 1-го корпуса...», – сообщал 26 (13) августа генерал Ю.Н. Данилов (генерал-квартирмейстер при штабе верховного главнокомандующего) начальнику штаба фронта В.А. Орановскому. // Восточно-Прусская операция. С. 281.

³⁸ См.: Восточно-прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 300, 594-594.

В результате к концу второго дня сражения и левый фланг 2-й армии откатился назад. С отступлением войск, подчиненных генералу Л.К. Артамонову, вырвавшиеся вперед центральные корпуса (чи командиры не были в курсе развернувшихся событий) оказались в особенно тяжелом положении. Вообще, армия распалась на три группировки, ведущих несвязанные бои по широкому выпуклому фронту (с флангами около границы, а центром – в глубине Восточной Пруссии).

28 августа А.В. Самсонов, осознавая, что положение тяжелое, однако слабо понимая обстановку, совершил грубейшую ошибку: он решил организовать наступление центральными корпусами (из-за неверного представления о расположении противника, генерал думал, что удар будто бы придется во фланг) и для этого поехал в штаб 15-го корпуса, сняв телеграфный аппарат. В итоге армия лишилась управления в целом и связи с фронтовым командованием.

А оно наконец-то к ночи на 28 августа более-менее разобралось в происходящем. Сопоставив свою «картину мира» и факты, командование, видимо, увидело резкий контраст, что позволило быстро уяснить, в какое тяжелое положение оно загнало войска А.В. Самсонова. В итоге, Я.Г. Жилинский выслал распоряжение П.К. фон Ренненкампу спешить на помощь соседу, а затем (как только выяснилось положение на флангах 2-й армии) приказал командующему 2-й армии отходить к границе. Но до него эта телеграмма так и не дошла.

П.К. фон Ренненкамф стал разворачивать корпуса и направил конницу Нахичеванского и Гурко в тылы противника, а днем 29 августа выявил готовность лично организовать наступление во фланг и тыл неприятеля. Для этого под свою ответственность командующий 1-й армией хотел нарушить приказ верховного главнокомандующего о выдвижении в район Граево 2-го корпуса, желая использовать его в общем ударе³⁹. Правда, вскоре последовал приказ оставаться на месте, т.к. в штабе фронта думали, будто войска А.В. Самсонова отошли к границе. Реальную обстановку уяснили только к ночи на 30 августа, но было поздно. Кавалерия же совершила набег, но особой помощи гибнущим оказать не смогла, хотя вызвала у немцев немало беспокойства и паники.

Тем не менее, для А.В. Самсонова утром 28 августа было не все потеряно. Германцы еще полностью не разгромили фланги, а центральные дивизии пока не только держались, но и на отдельных участках успешно отражали натиск. Например, утром у Ваплица удалось нанести поражение 41-й немецкой дивизии.

Можно было еще отвести центральные корпуса, попутно оказав вспомогательные удары со стороны фланговых частей. К тому же дня через два П.К. фон Ренненкамф непосредственным образом оказал бы поддержку. К сожалению, время было упущено.

³⁹ Восточно-прусская операция. С. 304-305.

Отсутствие твердого командования, точных сведений о противнике, хорошо налаженной связи и ошибки сыграли свое дело. Но, говоря о недостатках, ни в коем случае нельзя забывать о довольно сильном и удачливом противнике.

Теперь легко осуждать действия русских генералов, но, как писал Э. Людендорф, «непосвященный человек слишком легко начинает представлять себе, что на войне все идет так, как будто решается арифметическая задача с определенными данными. Но война представляет все что угодно, только не математическую задачу... Люди, которые критикуют полководца, но сами не участвовали в войне на руководящем посту, должны сначала изучить военную историю. Я могу только пожелать, чтобы им когда-нибудь пришлось самостоятельно провести хоть один бой. Они испугались бы неясности обстановки и огромных требований, которые ставит эта ответственная задача».⁴⁰ Но все же: генералы на то и стоят во главе армий, чтобы суметь во всем разобраться и привести войска к победе. Немцам это удалось, а А.В. Самсонову, к сожалению, – нет.

Когда он прибыл в расположение 15-го корпуса, его ждало разочарование: солдаты сражались из последних сил. Несмотря на то, что 28 августа частям 13-го корпуса удалось нанести поражение одной ландверной дивизии под Гогенштейном, общее положение не улучшилось. Русские тоже несли потери, с трудом отбивая нападающего противника.

В результате генерал А.В. Самсонов, видя, что ни о каком решительном наступлении ни во фланг, ни в лоб, ни куда-либо еще речи идти не может, вечером того же дня приказал отступать. Но тогда же 1-й немецкий корпус взял Нейденбург, оказавшись в тылу центра 2-й армии (5 пехотных дивизий).

Правда, полного окружения пока еще не было. Находившиеся на левом фланге немецкой армии корпуса из-за разногласия командиров и споров, кто здесь главный, больше протоптались на месте, и поэтому выход на юго-восток от Гогенштейна не закрыли. Да и в центре особый успех германцам не сопутствовал. А с получением известий о движении П.К. фон Ренненкампа штаб 8-й армии, итак опасавшийся удара по тылам, решил направить для прикрытия операции два левофланговых корпуса к Алленштайну. Затем, более четко разобравшись в обстановке, решили, что хватит и одного (ведь противник еще не окружен). Но из-за отсутствия связи приказ до него не дошел и поэтому 29 августа он продолжил действовать согласно прежнему распоряжению. В итоге пять дивизий 2-й армии попали «в котел».

Осуществить же отход и пробиться к границе им не удалось. Русские арьергарды, на некоторых участках оказывавшие достаточно упорное сопротивление, в итоге оказались разгромлены. Колонны отступающих были атакованы, окончательно рассеяны, пленены или

⁴⁰ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918гг. М.- Минск, 2005. С. 55-56.

уничтожены. А.В. Самсонов долго плутал, потом, впав в отчаяние, в ночь на 30 августа застрелился.

Попытки со стороны других частей оказать помощь не увенчались успехом. Хотя утром 30 августа отряд генерала Л.О. Сирелиуса (из состава 1-го корпуса) резким броском занял Нейденбург, чем вызвал замешательство у противника и заставил его стянуть силы, чтобы отразить атаку. К сожалению, действия окруженных и прорвавшегося отряда не были согласованы, а потому не принесли необходимого результата. Уже 31 августа Л.О. Сирелиус отошел на Млаву. Выйти же из «котла» смогло около 20 000 человек. Все остальные попали в плен или погибли. Общие потери армии, включая убитых, раненых и пленных, составили около 90 000 человек.⁴¹ Впрочем, эти цифры являются предметом дискуссий многих исследователей.

Одержав победу и получив с западного фронта два корпуса и кавалерийскую дивизию, германцы решили разгромить войска фон Ренненкампфа, кстати, также значительно пополненные резервами. Так, на правом фланге из второочередных дивизий был сформирован новый 26-й армейский корпус. Еще несколько дивизий находилось в тылах.

В последствие командование 8-й армии получит обвинения в том, что оно преследовало узкие национальные интересы, очищая всю Восточную Пруссию от противника, тем самым не пытаясь помочь союзникам-австрийцам в их битве за Галицию прямым ударом на юг на Седлец в тыл армиям русского Юго-западного фронта. Чисто теоретически с гибелью 2-й армии эта дорога открывалась, однако подобная операция являлась еще большей авантюрой, нежели русское наступление в Восточной Пруссии с оставлением крупных сил в тылах и крепостях и параллельным формированием 10-й армии для прямого удара на Берлин. Лишь часть 2-й армии была разгромлена, ее фланговые соединения оставались в порядке и имели возможность при должном управлении оказать решительное сопротивление. У русских еще была наготове небольшая 10-я армия, которая могла бы ударить во фланг немцам. К тому же пытаясь реабилитироваться и изменить ситуацию в свою пользу, в тылах у противника грозил появиться и П.К. фон Ренненкампф. Сил же у

⁴¹ Подробнее о Танненбергском сражении см.: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 276-322, 547-606; *Elze W. Tannenberg. Das deutsche Heer von 1914. Seine Grundzuege und deren Auswirkung im Sieg an der Ostfront.* Breslau, 1928; *Showalter D. Tannenberg.* Hamden, 1991; *Бучинский Ю.Ф.* Танненбергская катастрофа. София, 1939; *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 227-369; *Гренер В.* Завещание Шлиффена. М., 1937. С. 137-162; *Евсеев Н.Ф.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М.: Воениздат, 1936; *Зальф А.* Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники. Ревель, 1932; *Р.-П. А.* Причины неудач 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в Августе 1914 г. (По записке генерала Ключева) // Военный сборник. Белград, 1923. № 4. С. 154-162; *Ротэрмель А.* Танненберг с точки зрения окружения и борьбы с ним // Война и революция. 1931. № 12; *Фукс В.* Краткий очерк операции Наревской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в Августе 1914 года // Военный сборник. Белград, 1923. № 4; *Якоби Н. Марна.* Трагическое крушение германского наступления на Париж в августе-сентябре 1914. Рига, 1938.

немцев в случае удара на Седлец для обороны провинции не оставалось, что значило как минимум ее потерю. Естественно, П. фон Гинденбург и Э. Людендорф отказались от подобной авантюры.

В конце августа начальник штаба 1-й армии генерал Г.Г. Милеант и генерал-квартирмейстер генерал К.К. Байов высказались за отход на линию Инстербурга, что дало бы армии больше маневренности и устойчивости. С этим согласился и начальник штаба фронта В.А. Орановский⁴². Однако П.К. фон Ренненкампф решил остаться на занимаемых позициях, в чем был поддержан Я.Г. Жилинским. Главной аргументацией стало то, что отход мог негативно сказаться на боевом духе войск. Дальнейшие события покажут, что начальники штабов оказались правы, однако в сложившейся ситуации логика П.К. фон Ренненкампфа имела рациональное зерно. Следует учесть, что одновременно в районе Сувалок и Бялы собирались войска 10-й армии, которая в случае опасности, как думал П.К. фон Ренненкампф и заверял Я.Г. Жилинский, могла оказать помощь его левому флангу. А примерно 14 сентября планировалось начать новое наступление⁴³. Но противник не медлил: он сам сосредотачивался против 1-й армии.

Немцы предполагали охватить обходной группой левый фланг фон Ренненкампфа, быстрым наступлением отрезать ему отход и, прижав к болотистой местности нижнего течения Немана, уничтожить. Германцам удалось добиться не только численного перевеса на направлении главного удара, но и подавляющего огневого превосходства почти что по всему фронту (1086 орудий у немцев против 724 – у русских)⁴⁴.

Уже 7 сентября части обходной группы (1-й, 17-й армейские корпуса, 3-я резервная, 1-я и 8-я кавалерийские дивизии, прикрываемые с юга частями ландвера)⁴⁵ вступили в соприкосновение с левофланговой 43-й пехотной дивизией, рядом с которой сражались части второочередной 76-й дивизии (302-й полк с 76-й артбригадой)⁴⁶. 3-я же резервная дивизия уже достигла района Бялы, оттеснив части 22-го корпуса (вернее, его 1-й финляндской дивизии)⁴⁷. Первоначально наличие у немцев тяжелой артиллерии против правого фланга (в районе р. Дейма), а также перехваченная ложная телеграмма заставили П.К. фон Ренненкампфа думать, что там сосредоточены основные вражеские силы⁴⁸. Да и сама Ставка рекомендовала обратить внимание на район Тильзит – Мемель, боясь оттуда

⁴² См.: Восточно-Прусская операция. С. 328.

⁴³ См.: Там же. С. 332, 333, 337.

⁴⁴ См.: Храмов Ф.А. Восточно-Прусская операция. М., 1940. С. 78.

⁴⁵ См.: Храмов Ф.А. Указ. соч. С. 78. Уже вскоре 3-я резервная дивизия и части ландверной дивизии Гольца были скованы войсками 22-го армейского корпуса из состава 10-й русской армии.

⁴⁶ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 375.

⁴⁷ Храмов Ф.А. Указ. соч. С. 78.

⁴⁸ Не будем забывать, что 1-2 сентября дивизия Бродрюка повела демонстративное наступление на фронте 3-го корпуса.

сюрпризов. Только на следующий день выявилось «сильное наступление» против левого флага.

«Приказал 72-й дивизии рассветом 27-го августа выступить Бенкгейм ваше расположение. Приказываю крайне упорно держаться», - писал командующий 1-й армией 8 сентября (26 августа) командиру 2-го корпуса генералу В.А. Слюсаренко, чьи войска доблестно сдерживали противника.⁴⁹ Также П.К. фон Ренненкампф направил 54-ю дивизию в район Даркемена при этом, ожидая, что соседняя 10-я армия окажет содействие. Но ее войска (22-й корпус и разрозненные части 3-го Сибирского) сами были сильно расстроены и не могли наступать. Когда 9 сентября это окончательно выяснилось, П.К. фон Ренненкампф отреагировал быстро: приказал перебросить с правого фланга на левый 20-й корпус (три дивизии) и стал стягивать туда же конницу, чем смог спасти войска от готовящегося «Танненберга». Попытки же со стороны спешно приведенной в порядок 2-й армии оказать поддержку также не имели успеха. Однако и сами немцы действовали не без ошибок и не достаточно решительно, боясь напороться на крупные русские силы, призрак которые витал перед командованием 8-й армии, что не позволило им достичь большего.

Например, 11 сентября потрепанные части 2-го корпуса В.А. Слюсаренко неожиданно контратаковали и даже были частично поддержаны соседним 4-м корпусом генерала Алиева, что стало полной неожиданностью для противника⁵⁰. Начальник штаба 8-й армии Э. Людендорф в мемуарах вспоминал: «Самым крупным недоразумением явилось заявление XI армейского корпуса 11 сентября, что он атакован превосходящими силами противника... Поэтому мы должны были решиться XVII и I армейские корпуса двинуть дальше на север, чем это предполагалось первоначально. Через несколько часов выяснилось, что сообщение XI армейского корпуса ошибочное. Но приказ охватывающему крылу был отдан. Позднее корпуса опять были повернуты на прежние направления, но по крайней мере полдня было потеряно»⁵¹. В итоге, как более определенно писал начальник оперативного управления штаба 8-й армии М. Гофман, «это вызвало совершенно излишнюю приостановку в преследовании, и эту потерю времени не удалось уже больше наверстать»⁵².

⁴⁹ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 375.

⁵⁰ См.: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 392; Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 390; Франсуа Г. Критическое исследование сражения на Мазурских озерах в сентябре 1914 г. // Война и мир. Берлин, 1924. № 12. С. 53-54.

⁵¹ Людендорф Э. Указ. соч. С. 68.

⁵² Гофман М. Указ. соч. С. 48.

После ряда ожесточенных сражений корпуса П.К. фон Ренненкампа к 13 сентября отошли из Восточной Пруссии. К 19 сентября 1-я русская армия оказалась на р. Неман⁵³. 2-я и 10-я армии (последней командовал генерал В.Е. Флуг) в эти дни заняли оборону по рр. Нарев и Бобр соответственно. Немцы продвинулись на территорию Российской Империи, взяв Августов и Сувалки. Общие потери 1-й армии по некоторым оценкам составили около 150 орудий и 80 000 человек. Хотя в эту цифру входят и многие легкораненые, вскоре вернувшиеся в строй. Достаточно сомнительно, чтобы 1-я армия понесла почти такие же потери, что и разгромленные войска А.В. Самсонова.

Несмотря на то, что русские потерпели поражение, предпринятое наступление оттянуло часть немецких сил с западного фронта на восточный, тем самым ослабив напор на Францию и внеся свою немаловажную лепту в победу англо-французов в битве на Марне (5-12 сентября 1914 г.), в результате которой немецкие войска, двигавшиеся на Париж, были остановлены. Немецкий план молниеносной войны провалился. Заслугу русского наступления в том, что оно оттянуло на себя часть вражеских сил, впоследствии отмечали многие западные военачальники, участники марнских боев, и историки. Хотя, конечно же, общие причины поражения немцев были намного глубже, нежели просто недостаток на западе двух корпусов и одной кавалерийской дивизии, перекинутых на восточный фронт. И заявления, будто судьба Парижа решалась на полях Восточной Пруссии, выглядят несколько странно⁵⁴.

За провал операции в Восточной Пруссии Я.Г. Жилинский был заменен генералом Н.В. Рузским, который успел отличиться в происходившей параллельно Галицийской битве, где удачно командовал 3-й армией. А за П.К. фон Ренненкампом никакой вины не нашли, и он сохранил должность.

После изгнания русских немцы перебросили основные силы в Польшу на помощь разбитым австрийцам, оставив на восточно-прусском фронте лишь небольшие части под

⁵³ См. подробнее об отходе 1-й армии: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 21-23, 323-485; *Ларионов Я.М.* Записки участника мировой войны: 26-я пехот. дивизия в операциях 1-й и 2-й рус. армий на Вост. Прус. и Польск. театрах в начале войн: (Сост. по дневнику и полевым документам). Харбин, 1936; *Франсуа Г.* Критическое исследование сражения на Мазурских озерах в сентябре 1914 г. // *Война и мир.* Берлин, 1924. № 12; *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 344-410; *Рогвольд В.* Конница 1-й армии в Восточной Пруссии (август-сент. 1914 г.). Л.-М., 1926. С. 123-144; *Стратегический очерк войны 1914-1918 гг.* М.: ВВРС, 1922. Ч.1. Период от объявления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва. / Сост. Я.К. Цихович. С. 106-127.

⁵⁴ Один из крупнейших исследователей Танненбергского сражения Г.С. Иссерсон в 1926 г. вообще писал, что оно даже «не сказалось сколько-нибудь существенно» на течение войны. «Мы не склонны разделять мнение, что оно решило участь сражения на Марне, вынудив германское командование перебросить два корпуса с запада на восток. Банкротство германского наступления на Францию в 1914 году имеет более глубокие, правда, еще мало осознанные причины. Два корпуса на правом германском крыле могли продлить Марнское сражение еще на 2-3 дня, доведя кризис его для французов до более высокого напряжения, но они не могли изменить участи этого грандиозного захождения армий правым плечом, имевшего в своей основе искаженный план Шлиффена и его изуродованный метод ведения операции». – См.: *Г.С. Иссерсон.* Канны Мировой войны (гибель армии Самсонова) // Катастрофы Первой мировой войны. М., 2005. С. 178.

командованием генерала Р. фон Шуберта (до 100 000 человек). Перед его армией стояла задача прикрывать границы провинции и вести демонстративные действия, что, кстати, удалось сделать с успехом.

25 сентября противник начал демонстративные бои у Сопоткина, на следующий день атаковал Друскеники (территория Российской Империи). Русские силами 1-й и 10-й армий перешли в наступление и в начале октября оказались близ границ Восточной Пруссии. «Вода в Немане покраснела от вражеской крови», «немецкая битва окончилась полной победой наших доблестных войск и разгромом армии генерала Гинденбурга», «кровопролитная битва на берегах Немана относится к самым крупным в эпоху настоящей войны», – писалось тогда об этих боях⁵⁵. Последующие исследователи оказались более скептически. «Стратегическим недоразумением» окрестили Первую августовскую операцию уже в 1919 г.⁵⁶ Может, это сказано несколько громко, но действительно, эти демонстративные действия немецкой армии на небольшое время смогли ввести русское командование в заблуждение, по крайней мере, Н.В. Рузского. Или, можно предположить, он пытался действовать лишь в узких интересах своего фронта.

Еще на совещании русского командования в Холме 22 (9) сентября, где присутствовали и вл. кн. Николай Николаевич, и Н.В. Рузский, и главнокомандующий Юго-западным фронтом Н.И. Иванов, было решено сосредоточить у Варшавы два корпуса. Однако Н.В. Рузский не выполнил этот приказ. Вскоре, отчетливо представляя грозящую опасность, Ставка решила сосредоточить в районе Варшавы еще и всю 2-ю армию, но главнокомандующий Северо-западным фронтом снова проявлял упорство. 29 сентября он докладывал в Ставку: «Хотя есть основание предполагать, что силы германцев перед фронтом 1 и 10-й армий около 3-4 корпусов, однако, достоверно это сказать нельзя... Полагаю, что только через два-три дня можно будет как боевыми действиями, так и средствами разведки более или менее точно установить силы противника, действующие против этих... Полагаю, что переброска к Висле корпусов 2 армии еще несколько преждевременна»⁵⁷. На это начальник штаба Ставки генерал Янушкевич указал, что события на левом берегу Вислы ныне имеют решающее значение, а против 1-й и 10-й армий находятся в основном ландверные части, так что переброска 2-й армии должна осуществиться немедленно. В приказе от 1 октября говорилось, что «армиям Северо-западного фронта ставится задачей обеспечение во что бы то ни стало правого фланга и

⁵⁵ См.: Битва на реке Немане и разгром немецкой армии ген. Гинденбурга. М., 1915; Разгром немецкой армии под Августовом и на Немане. М., 1914; Ужасный кровопролитный бой на реке Немане. М., 1914.

⁵⁶ См.: Краткий стратегический очерк войны 1914-1918 гг. М., 1919. В. 2. С. 46. Его авторы писали: «Так называемое официально сражение при Августове с 12 по 20 сентября, в поздравительной телеграмме верх. главнок. 21-го названное победой, является стратегическим «недоразумением», как вообще всякое действие одной стороны, попавшейся на удочку, закинутую другою стороною».

тыла армий Юго-западного фронта от противника, действующего со стороны Восточной Пруссии. При этом главнокомандующему армиями Северо-западного фронта надлежит быть готовым выделить еще не менее двух полевых корпусов на поддержку войск, оперирующих на Висле»⁵⁸.

Для переброски только на следующий день был назначен 2-й корпус. А насчет другого завязался спор. По этому поводу состоялся разговор между генералом Ю.Н. Даниловым (генерал-квартирмейстер штаба ВГК) и генералом М.Д. Бонч-Бруевичем (генерал-квартирмейстер штаба Северо-западного фронта), где последний просил о приостановке выдвижения 4-го корпуса (из состава 1-й армии) к Варшаве. М.Д. Бонч-Бруевич отмечал, что «фронт только что приступает к наступательным операциям, первый успех которых имеет, как показал опыт борьбы в Галиции, особо важное значение. С этой точки зрения совершенно нежелательно в интересах общего дела и задач Северо-западного фронта ослабление последнего в период времени до 27 и 28 сентября ...»⁵⁹. И это – несмотря на то, что Ю.Н. Данилов еще раз указал штабу фронта «на свое место»: «...на берегах Вислы будет решена участь первого периода кампании, а может быть и всей войны... Главному должно быть подчинено все остальное. Задача Северо-западного фронта суживается до пределов лишь безусловного обеспечения, в широком смысле, правого фланга и тыла операции и прикрытия железнодорожных магистралей... Задача эта, конечно, первостепенной важности, но ее нужно решать наименьшими силами»⁶⁰. Впрочем, вопрос об отправке 4-го корпуса был окончательно решен 5-го октября⁶¹.

Более того, штаб Северо-западного фронта не оставлял попыток перейти в наступление в глубь Восточной Пруссии, желая развить августовский успех (как видно, довольно относительный). Хотя чего тут удивляться, если в Директиве по 2-й армии от 4 октября (21 сентября) отмечалось о положении дел: «Перед фронтом 1 и 10 армий немцы, разбитые в последних боях, спешно отходят и беспорядочно отступают за границу»⁶². Видимо, в штабе фронта кто-то очень хотел повторить Галицийский успех. Однако реальность оказалась намного сложнее. К примеру, в районе Ширвиндта с 5 по 12 октября части 3-го корпуса пытались обойти левый фланг немцев. Несмотря даже на численное превосходство и пополнение резервами действовавший здесь так называемый Кроненский отряд (из состава 3-го корпуса), понеся тяжелые потери, был остановлен и отошел от границы. Вдобавок, во время этих боев 10 октября около д. Шарвинишки получил

⁵⁷ Варшавско-Ивангородская операция: сборник документов. М., 1938. С. 34-35.

⁵⁸ Там же. С. 39.

⁵⁹ Там же. С. 41.

⁶⁰ Там же. С. 40.

⁶¹ *Корольков Г.* Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923. С. 48.

⁶² Варшавско-Ивангородская операция. С. 97.

смертельное ранение князь императорской крови Олег Константинович, сын великого князя Константина Константиновича, президента Императорской академии наук и известного поэта (под псевдонимом К.Р.).

Боям на других участках фронта также не сопутствовал успех (видимо, «беспорядочность отступления» была сильно преувеличена), поэтому наступление вскоре приостановили, отведя войска несколько назад на более удачные позиции. Одним из итогов стало смещение в первой декаде октября генерала В.Е. Флуга с поста командующего 10-й армией и замена его генералом Ф.В. Сиверсом.

Восточно-пруссский театр боевых действий стал второстепенным. Основные сражения шли на Висле и Сане, т.е. в Польше, поэтому главной задачей 1-й и 10-й армий было «обеспечение общей операции на Средней Висле со стороны противника, действующего из Восточной Пруссии»⁶³. 14 октября Н.В. Рузский в приказе командующему 2-й армией генералу С.М. Шейдеману сообщал, что «в Восточной Пруссии на фронте Владиславов до Иоганнисбурга, повидимому, не свыше трех корпусов, поддержанных ландштурменными частями»⁶⁴. Кроме того, из войск, находящихся на восточно-пруссской границе, постоянно «выдергивали» различные части.

Остановка армий в первой половине октября оказалась временной, лишь для внутренней перегруппировки. 20 октября генерал Н.В. Рузский поставил задачу 10-й армии при содействии войск П.К. фон Ренненкампа овладеть Мазурскими озерами. Предложение генерала Ф.В. Сиверса вести не фронтальное наступление, а ударить в обход озер не встретило одобрения у командующего фронтом.

Но 20 октября немцы сами начали атаковать район Граево и уже на следующий день овладели этим пунктом. Однако 22 октября корпуса 10-й армии перешли в наступление. Авангарды германцев отошли к Лыку, но затем, контратаковав, заставили противника остановиться.

Новый командующий 8-й немецкой армией генерал Г. фон Франсуа (сменивший 8 октября Р. фон Шуберта) решил продемонстрировать наличие в провинции крупных сил, зная о стягивании противником дивизий к Висле. Каждому корпусу приказывалось атаковать, а в случае сильного отпора отходить на занимаемые прежде позиции. Так, 24 октября 25-й резервный немецкий корпус снова перешел в атаку на Граево, потеснив русские войска, к которым затем прибыли пополнения, и они совместно не только отбросили врага на исходный рубеж, но и смогли немного продвинуться вперед.

25 октября командование 1-й русской армии было переброшено под Лодзь, а все корпуса вошли в состав войск генерала Ф.В. Сиверса. Их общая численность с учетом

⁶³ Варшавско-Ивангородская операция С. 208.

⁶⁴ Там же. С. 213.

недокомплекта по некоторым оценкам составила около 200 000 человек (15,5 пехотных и 8 кавалерийских дивизий). У противника было семь дивизий, а также несколько ландверных и ландштурменных бригад.

Отметим, что параллельно крупные бои развернулись на варшавском направлении. Немцам было нанесено поражение, и они стали спешно отступать.

А в Восточной Пруссии германцы продолжали атаковать, стараясь создать впечатление наличия больших сил. Вместе с тем, осуществив частичную перегруппировку на правом фланге, 10-я армия пыталась 29 октября продолжить наступление.

Однако вскоре обнаружился недостаток боеприпасов. Уже на следующий день вечером Ф.В. Сиверс, видя бесплодность атак, решил перейти к обороне до получения пополнений и вооружения.

Но на правом фланге удалось занять северный берег оз. Виштынца и выйти на границу (конный корпус В.И. Гурко – к р. Шешупа, 3-й армейский корпус Н.А. Епанчина – к д. Капсодзе). Тогда Ф.В. Сиверс решил попытаться здесь развить успех. 31 октября был занят Владиславов, а 1 ноября – часть Роминтенской пушчи (причем оказались взяты 2 орудия). В это время Н.В. Рузский, видя слабость 10-й армии, решил усилить ее тремя новыми дивизиями и разрешил еще одну (74-ю) взять из гарнизона крепости Ковно. Тогда же Ф.В. Сиверс отдает приказ продолжить наступление правым флангом, поддержав его атаками других частей.

Бои 10-й армии в ноябре 1914 г. явились частью общего наступления в Германию. Для этого Ф.В. Сиверсу, согласно директиве от 2 ноября (20 октября), требовалось захватить район Мазурских озер, а затем совместно с 1-й армией, располагающейся теперь слева, утвердиться на Нижней Висле. Немцы же, предполагая дальнейшее наступление русских после своего поражения около Варшавы, стали перебрасывать в район Торна из Восточной Пруссии некоторые корпуса, тем самым ослабляя положение войск в провинции.

Наступление против находящейся здесь 8-й немецкой армии Г. фон Франсуа (которого вскоре сменил генерал О. фон Белов) началось 3 ноября, но встретило упорное сопротивление. Тогда бригада 68-й пехотной дивизии попыталась наступать на Тильзит, изобразив активность на этом участке фронта, но уже на переходе границы у Таурогена столкнулась с противником и не смогла продвинуться дальше. Вскоре немецкое сопротивление ослабло, ведь оттянутые назад корпуса (1-й и 35-й резервные) оказались заменены мало обученными ландштурменными соединениями. Все это позволило конному корпусу В.И. Гурко к 16 ноября расположиться между Пилькалленом и Мальвишкенем, 3-му корпусу Н.А. Епанчина – в районе Шталлупенена, 20-му корпусу – на западной опушке Роминтенской пушчи, остальным силам – у Ковален – Олецко – о. Лашмяде – Арсис⁶⁵.

⁶⁵ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. М, 1923. Ч. 2. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 года. /

Говоря о боях именно в Восточной Пруссии, хотелось бы отметить, что в ноябре на некоторое время 1-я армия заняла Зольдау. Одновременно крупные сражения проходили в Польше на фронтах 5-й, 2-й и 1-й армий (т.н. Лодзинская операция). После успешных октябрьских боев под Варшавой русские войска, готовясь к общему наступлению в Германию, потеряли наступательную инициативу, и немцы атаковали первыми (11 ноября), пытаясь окружить 2-ю армию. Однако обходная группа генерала Шеффера сама едва не попала в «котел» и с большими потерями смогла прорваться к своим. Одной из причин выхода противника стала ошибка П.К. фон Ренненкампа, за что его отстранили от командования, а осенью 1915 г. вообще уволили со службы. В глазах многих он был немцем, а, значит, предателем (не забудем антинемецкую истерию, поднятую в прессе и в обществе с началом войны). Князь Гавриил Константинович писал: «Ренненкампа обвиняли в неудачах на фронте и в том, что он выпустил окруженную нами армию Гинденбурга⁶⁶. Конечно, мнения разделились, и одни были против него, а другие за. Так, генерал Ермолинский, находившийся в его штабе, стоял за него и утверждал, что Ренненкампа несправедливо осужден. Говорили, между прочим, что Ренненкампа - немец и что будто его родной брат командует немецкими войсками против нас. Все это были досужие выдумки».⁶⁷

Конечно, командующий 1-й армией, чье полководческое искусство, надобно признать, на полях Восточной Пруссии оказалось далеко не на высоте, не был гениальным военачальником, но и назвать его бездарностью язык не повернется. Кроме всего прочего, по свидетельству очевидцев, П.К. фон Ренненкампа не сумел наладить нормальную работу своего штаба. Офицер П.А. Аккерман, непосредственно служивший в штабе 1-й армии, оценивал ближайшее окружение не только как людей, далеких от военного искусства, но и как интриганов: «Атмосфера штаба сделалась, благодаря этому, просто невыносимой»⁶⁸. Возможно, генерал проявил бы себя лучше, командуя корпусом или дивизией. По крайней мере, полного разгрома П.К. фон Ренненкампа так или иначе удалось избежать. Хотя, безусловно, на нем, как на командующем, лежит довольно тяжелый груз ответственности за поражение и тяжелые потери.

Но вернемся к ноябрьским событиям в Восточной Пруссии. Развивая наступление, 10-я армия (снова осуществив перегруппировку) к 28 ноября вышла в следующие районы: конный корпус В.И. Гурко был западнее Мальвишкен; отряд Н.А. Епанчина (56-я и 73-я дивизии) – между Шталлупененом и Гумбинненом; отряд В.В. Смирнова (25-я и 27-я дивизия, а также 20-й и 22-й корпуса) – у р. Ангерапп, отряд Е.А. Радкевича (26-й и 3-й Сибирский корпуса

Сост. Г.К. Корольков. С. 113.

⁶⁶ Обратим внимание на явное преувеличение. Обходная группа из трех пехотных и двух кавалерийских дивизии общей численностью примерно в 48 000 человек названа армией.

⁶⁷ Великий князь Гавриил Константинович. В мраморном дворце. М., 2001. С. 268.

⁶⁸ Аккерман П.А. В штабе дивизии // Голос минувшего. 1917. № 11-12. С. 310.

с 84-й дивизией) – восточнее Летцена и на перешейке между озерами Спирдинг и Левентин. 4 и 15 кавалерийские дивизии находились в Бяле и Кадзидло.⁶⁹

Немцы, численно уступая, имели хорошо укрепленные позиции, 10-я же армия (или, как ее называли, «восточно-прусская») испытывала недостаток вооружения, в частях был недокомплект личного состава. Поначалу лесисто-болотистый характер местности мешал наступлению, а когда ударили морозы, которые хоть и немного, но облегчили его ведение, оказалось, что у солдат нет теплой одежды.

Говоря о положении 10-й армии, следует отметить, что позиционные бои достаточно тяжело действовали на моральный дух солдат, особенно во второочередных частях. В вышедшем 16 (3) декабря 1914 года приказе говорилось, что «за последнее время были случаи сдачи в плен при таких обстоятельствах, которые заставляют предполагать, что сдача произошла преднамеренно. Виновные в таком позорном нарушении долга службы и присяги очевидно рассчитывали на безнаказанность, надеясь, что после войны выяснить дело будет затруднительно. В виду этого Командующий Армией приказал во всех частях войск вести именные списки нижним чинам, сдавшимся в плен, при чем списки эти представлять установленным порядком»⁷⁰. 9 декабря (25 ноября по ст.ст.) Н.В. Рузский указывал Ф.В. Сиверсу, как одну из причин низкого боевого духа солдат (и как следствие – высокого уровня сдач в плен), на удаленность командующего состава от линии фронта, а потому предписал начальникам даже крупных воинских соединений посещать передовую, «говорить с нижними чинами входить в их нужды»⁷¹. Более того, в это время в войсках появились первые ростки социалистической пропаганды, носители которой прибывали с маршевыми пополнениями. Тогда для «пресечения этого зла» в части полетел приказ «принять самые суровые меры указав войскам, что такая пропаганда играет не только в руку противника, но и является орудием борьбы его с нами»⁷².

Командование 10-й армии старалось заботиться и о разведке, чьи действия оставались по-прежнему слабыми. В приказе от 6 (19) декабря 1914 г. говорилось о том, что необходимо «организовать постоянную разведку неприятельского расположения и поиски отдельных разведывательных партий, назначенных для того чтобы постоянно тревожить неприятеля, уничтожать его заграждения, добывать пленных и т.п. Для таких поисков приказываю образовать в каждом полку несколько партий, - по преимуществу из охотников - рассчитанных так чтобы поиски могли вестись непрерывно»⁷³.

⁶⁹ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. М, 1923. Ч. 2. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 года. / Сост. Г.К. Корольков. С. 155.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 55. Л. 84.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 15.

⁷² РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 68.

⁷³ Там же. Л. 21

В декабре сохранялось тяжелое положение со снарядами. В приказе от 5(18) декабря Ф.В. Сиверс писал, что запасы артиллерийских патронов «ограничены и могут быть пополнены только до известной степени, почему необходимо самое бережное и внимательное отношение к расходу артиллерийских патронов... Артиллерии стрелять только при отражении больших неприятельских атак и по целям исключительной важности»⁷⁴.

В декабре 10-я армия (периодическое изъятие войск из которой продолжалось) фактически осталась на прежних позициях. Основное внимание было приковано к крепости Летцен, которую несколько раз неудачно пытались штурмовать⁷⁵.

На новый 1915 год русское командование строило планы начать «третье» наступление в Восточной Пруссии. Для этого шло полным ходом формирование 12-й армии. Однако положение войск Ф.В. Сиверса оставалось тяжелым: в частях по-прежнему недокомплект, силы растянуты на фронте в 170 км практически без резервов. Армия состояла из 11 пехотных и почти 3 кавалерийских дивизий (всего до 170 000 человек). Хотя с учетом недокомплекта до 40% некоторые исследователи считают, что реальная численность в 11 дивизиях была ниже, около 120 000 человек⁷⁶.

А русское верховное командование опять расплыло силы. Не выбрав главного направления, оно решило параллельно готовить наступление еще и на австро-венгерском фронте. В свою очередь немцы планировали разгромить правый фланг русских (т.е. 10-ю армию) совместным ударом 8-й и 10-й армий из Восточной Пруссии, куда стягивались крупные силы. Если сперва численность находившихся здесь войск была около 100 000 человек⁷⁷, то к началу февраля ее довели до 250 000 солдат и офицеров.

Пока шло сосредоточение новых армий, русское командование решило занять Ласдененские леса (т.н. Ласдененская операция), чтобы улучшить положение правого фланга фронта (и армии в том числе) – Вержболовской группы генерал Н.А. Епанчина. В результате боев, начавшихся 25 января, эти войска были только расстроены и понесли никому не

⁷⁴ Там же. Л. 28.

⁷⁵ Подробнее о Первой августовской операции (25 сентября – 3 октября) и Втором наступлении в Восточную Пруссию см.: *Гоштовт Г.* Кирасиры Его Величества в Великую Войну. Париж, 1938. С. 120-163; *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Париж, 1936. С. 78-108; *Успенский А.А.* Восточная Пруссия – Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932; *Флуг В.Е.* X армия в сентябре 1914 // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1924. № 5. С. 231-260; Краткий стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Русский фронт. М.: Военное дело, 1919. В.2. С. 24-47, 93-108, 180, 181, 204, 205-208, 210; *Нелипович С.Г.* За други своя... (Мышкинцы 53-й пехотной дивизии во Владиславской операции 10-12 октября 1914 г.) // Опочининские чтения. Мышкин, 1998. В. 6. С. 94-107; Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. М, 1923. Ч. 2. Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 года / Сост. Г.К. Корольков. С. 29-39, 99-107, 108-113, 154-156; Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. М., 1922. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. / Сост. А. Незнамов. С. 26-30; *Сергеевский Б.Н.* Пережитое, 1914. Белград, 1933.

⁷⁶ См.: *Хольмсен И.* Мировая война. Наши операции на вост-прусс. фронте зимою 1915 г. Париж, 1935. С. 33.

⁷⁷ *Хольмсен А.И.* Указ. соч. С. 33.

нужные потери, не сумев достичь цели. Ведь наши генералы не знали, что здесь сосредотачиваются крупные вражеские силы. Как отмечалось в одном из приказов еще от 24 (11) декабря 1914 г.: «Безусловно важное дело войсковой разведки до сих пор еще не налаживается. По донесениям войсковых Штабов, крайне скудным, а иногда и противоречивым, не представляется возможным составить полную картину расположения действующего противника, что конечно до крайности затрудняет высшее командование. Необходимо, во что бы то ни стало, преодолеть все трудности и поставить разведку на надлежащую высоту»⁷⁸. Впрочем, последнее сделать, как видно, так и не удалось. Русское командование так и оставалось в неведении в отношении противника.

Вообще, русским катастрофически «не везло» в Восточной Пруссии. Катастрофой окончилось и Второе наступление. 7 февраля ударная группа К. Литцмана 8-й немецкой армии (командующий генерал О. Белов) обрушилась на левый фланг 10-й русской. На следующий день перешла в наступление и 10-я (новая) немецкая армия генерала Г. фон Эйхгорна в обход русского правого фланга. Трафаретный германский план – удар по обоим флангам с целью окружения центра - разгадали слишком поздно. Это оказалось роковым для центрального 20-го корпуса генерала П.И. Булгакова, который в результате задержки на позициях и ошибок в управлении попал в окружение и после ожесточенного сопротивления к 21 февраля почти полностью погиб в Августовских лесах. Прорваться удалось лишь некоторым соединениям, попытки выволить корпус из окружения со стороны подтянутых сюда свежих сил успеха не имели.

Среди причин поражения помимо достаточно плохого управления корпусом генералом П.И. Булгаковым, следует отметить слабое использование (а вернее – неумение использовать) авиации в 10-й армии, не сумевшей организовать воздушной разведки, а после прекращения связи с 20-м корпусом, не использовавшей находящиеся в ее расположении крепостные авиационные отряды для его поиска⁷⁹. Впрочем, сама связь также была устроена достаточно плохо. Во время отступления П.И. Булгаков снял радиостанцию и отправил ее вперед вместе с обозами, «благодаря чему» штаб армии не мог связаться с ним⁸⁰. Как помним, сходная ошибка привела к поражению 2-й армии.

Немцы праздновали еще одну тактическую победу, но вместе с тем им не удалось уничтожить русскую армию и выйти на оперативный простор. В результате сравнительно большей устойчивости левофланговых частей, фактически не давших 8-й армии развить широкое наступление (как это удалось сделать войскам генерала Г. фон Эйхгорна), и

⁷⁸ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 55. Л. 86.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 55. Л. 162-163.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 55. Л. 158.

героического (что признавали и сами германцы) сопротивления окруженных в Августовских лесах русское командование успело подтянуть резервы и остановить противника⁸¹.

Параллельно к середине февраля генерал фон Папприц (губернатор Кенигсберга), располагая соединениями ландштурма и крепостной артиллерией, во время боев севернее Тильзита взял Тауроген, оттеснив врага за границу.

Последние сражения в Восточной Пруссии состоялись в марте 1915 г. Отряд генерала Потапова (4000 ополченцев с батареей и 10 пулеметами) 17 марта неожиданно вторгся в Восточную Пруссию и взял Мемель. Это, по признанию М. Гофмана, застало немецкое командование врасплох. 20 марта бригада 68-й пехотной дивизии заняла Лаузарген. Немцам срочно пришлось перебросить сюда силы. 21 марта был возвращен Мемель, а 29-го противнику удалось взять Тауроген. В итоге германцы полностью очистили свою территорию от противника. А в этот район направилась 6-й кавалерийская дивизия, которая прикрывала провинцию от неприятельских «сюрпризов», действуя уже на российской земле.

В апреле русские бомбардировщики «Илья Муромец» продолжали совершать налеты на города, расположенные на юге Восточной Пруссии. Так, 20 апреля «Илья Муромец – Киевский» атаковал железнодорожную станцию Зольдау, на которой стояло 15 поездов. Через полчаса на эту же станцию совершил налет еще «Илья Муромец III» (командир – штабс-капитан Бродович). Всего оба самолета сбросили 40 бомб, тридцать из которых были весом более 16 кг.

24 апреля два «Муромца» атаковали станцию Нейденбург. «Илья Муромец – Киевский» сбросил одиннадцать бомб в 16 кг и одну – в 82 кг. Спустя час «Илья Муромец – III» продолжил бомбежку. В итоге станция была выведена из строя⁸².

К сожалению, перейти в «третье наступление» так и не удалось. В годы Первой мировой войны эта провинция осталась не расколотым «орешком». В мае 1915 г. противник прорвал русский фронт у м. Горлица. Так началось Великое отступление. В результате к середине осени 1915 г. были потеряны Польша, Литва, юг Латвии, Западная Белоруссия и

⁸¹ Подробнее о Ласдененской и Второй августовской операциях (7-21 февраля) см.: *Будберг А.П.* Из воспоминаний о войне 1914-1917 гг.: Третья Вост.-Прус. катастрофа, 25 янв.-8 фев. 1915 г. Сан-Франциско, 1922; *Каменский М.П.* Гибель XX корпуса 8/21 февраля 1915 г. М., 1921; *Коленковский А.* Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 году. М.-Л., 1927; *Хольмсен И.А.* Мировая война. Наши операции на Вост.-Прус. фронте зимою 1915 г. Париж, 1935; *Белолипецкий В.Е.* Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах (1915 г.). М.: Воениздат, 1940; *Розеншильд-Паулин А.Н.* Гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах: Из дневника нач. дивизии // Военный сборник. Белград, 1924. кн. 5. С. 261-288; *Кочубей В.* «Вержболовская группа» и гибель XX-го армейского корпуса в Августовских лесах // Военная быль. 1962. № 57. С. 3-16; *Ротэрмель А.* Попытка выхода из окружения и гибель 20-го русского корпуса 21.2.15 // Война и революция. 1935. январь-февраль.

⁸² О боях около Мемеля и налетах русской авиации см.: *Хольмсен И.А.* Указ. соч. С. 257; *Федуленко В.В.* Наступление 1-й бригады 68-й пех[отной] див[изии] в Вост[очную] Пруссию в марте 1915 г. // Военная быль. 1958. № 28. С. 21-22; *Гофман М.* Записки и дневники. Л.: Красная звезда, 1929. С. 71-72; *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 133-135; *Финне К.Н.* Русские воздушные богатыри И.И. Сикорского. М., 2005. С. 75-88; *Рохмистров В.Г.* Авиация Великой войны. М., 2004. С. 199-200, 210-211, 216-218.

часть Галиции. О Восточной Пруссии пришлось надолго забыть. Несмотря на проявленные отвагу, мужество, доблесть, русские войска потерпели три сокрушительных поражения под Танненбергском, на Мазурских озерах и в Августовских лесах. Не следует преувеличивать вражеские победы: ни одну из них по тем или иным причинам не удалось широко развить. Но все же урон русским армиям был нанесен достаточно чувствительный: тяжелейший потери легли в первую очередь на кадровый состав, ибо в начале войны (которую предполагалось тогда вести всего несколько месяцев, а не лет) многих унтер-офицеров слали простыми солдатами, что приводило к их лишней гибели. И в дальнейшем на протяжении 1915-16 гг. в русской армии ощущался недостаток нижнего офицерского солдата.

События в Восточной Пруссии выявили многие недостатки русской армии. Во-первых, это достаточно слабое управление со стороны высшего командного состава, что проявилось уже в первом же бою под Шталлупененом. Не смог обеспечить оперативность наступления и координацию действий обеих армий в ходе Восточно-Прусской операции генерал Я.Г. Жилинский. Уже с самого начала оперативное планирование операции оказалось не на высоте, равно как не было четкого понимания возможностей и положения противника (в глаза бросается наивное предположение главнокомандующего Северо-Западным фронтом, будто враг будет прикован к укрепленному району Мазурских озер). Не составляет честь русскому командованию и постоянное противостояние Самсонова и Жилинского по поводу направления главного удара.

Во-вторых, необходимо отметить недостаток артиллерии. Огневое превосходство обеспечило немцам победы на полях Восточной Пруссии. В годы Первой мировой войны именно на артиллерийский огонь ложилась большая доля потерь. В общем, если на одну германскую пехотную дивизию приходилось примерно 14 батарей дивизионной и корпусной артиллерии, то на русскую - всего 7⁸³. Несмотря на то, что на начало войны мы имели 8-ми орудийные батареи (немцы 6-ти орудийные) как показал опыт боев, наличие двух лишних орудий не увеличивало огневую силу батареи. Произошедший переход в течение войны на 6-ти орудийные батареи ни в коей мере не уменьшил огневую силу линейных дивизий. Однако, в противовес перевесу в огневой силе, русские превосходили противника в численности. Если противник имел дивизии 12-ти батальонного состава, то русские – 16-ти. Но первые же бои в Восточной Пруссии показали, что лишнее загромождение первой линии людьми при достаточно слабой артиллерии ведет лишь к лишним потерям. Не оправдали себя и крупные соединения конницы (группа Хана Нахичеванского), которые не придали войскам должной мобильности. Впрочем, противник сам часто наступал сомкнутым строем, становясь прекрасной мишенью для русской артиллерии.

⁸³ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 379.

В-третьих, русское командование (и не только на восточнопрусском фронте) было подведено ненадежностью радио, по которому оперативные приказы зачастую передавались открытым текстом, что позволяло противнику быть в курсе всех событий на чужой стороне. Это облегчало работу немецким штабам.

В-четвертых, русские войска сами весьма слабо организовывали разведку и ни разу не были полностью в курсе всех событий. Уже сразу после Гумбинненского сражения противник оказался потерян, его появление против правого фланга 2-й армии стало неожиданностью. Воздушная разведка смогла донести о передвижениях каких-то крупных сил, но все почему-то подумали, что это наши же войска. В сентябре штаб 1-й армии также не смог определить основное направление вражеского удара. Во второй половине сентября штаб Северо-Западного фронта тоже не сразу распознал, что немецкая активность в Августовских лесах носит лишь отвлекающий характер. А в феврале 1915 г. командование 10-й армии так и не смогло заблаговременно для себя обнаружить две крупные немецкие группировки на флангах. А слабость разведки означает слепоту командования относительно противника. Особенно ярко это проявилось в августе 1914 г. От точности картины происходящего, сконструированной в голове военачальника, зависит качество принятия решений. Но не будем забыть и о великой роли предубеждений и общего настроения, которые заставляют трактовать происходящее и скудные сведения именно в этом, а не каком-либо другом ключе. Один раз сделанный неправильный вывод (неправильно нарисованная в голове «картина мира») при определенном складе человека и отсутствии достаточного количества информации может оказать решающее воздействие на все последующее оперативное творчество. Так, можно предположить: изначально оптимистично настроенное командование фронта восприняло победу под Гумбинненом как крупный успех, эта иллюзия обусловила как интерпретацию данных разведки, так и последующее принятие решений в отношении армии А.В. Самсонова. О влиянии этого успеха свидетельствуют хотя бы мемуары Ю.Н. Данилова: «Население оставляло свои насиженные места и... запрудило дороги вглубь страны. Получалось впечатление полной эвакуации немцами Восточной Пруссии.... Впечатление от победы генерала Ренненкампа и спешного отступления германцев было столь сильным, что одно время возникла даже мысль о переброске 1-й армии к Варшаве»⁸⁴. Только события на флангах 27 августа стали «кризисным ударом» для понимания в штабе fronte всего, что происходит: несовпадение реального и мыслимого «холодным душем» окатило Я.Г. Жилинского, в результате он начал принимать верные решения (но уже запоздало). Его картина мира сумела преодолеть пагубную зависимость от первоначальных предубеждений и трансформироваться, согласуясь с реальностью. С командующим 2-й армией получилось все сложнее. А.В. Самсонов, изначально глубже разбиравшийся в

⁸⁴ Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 144.

ситуации, не был подвержен царившему оптимизму. Таким образом, события 26-27 августа не сломали его понимание происходящего, а интегрировались в общую картину мира (ибо резко ей не противоречили), благодаря чему он и не смог (или не захотел) признавать реальную опасность, а потому решил 28 августа последний раз попытать удачу. Разбери он обстановку более критично и детально, отказавшись от всех прежних размышлений, возможно, А.В. Самсонов нашел бы множество других, более удачных вариантов действий.

В-пятых, уже зимою 1914/15 гг. русские стали страдать от недокомплекта частей и недостатка вооружений, а моральный дух в войсках начал постепенно падать, хотя оборона 20-го корпуса в Августовских лесах позволяют сказать, что стойкости, героизма и выносливости отдельным частям было не занимать.

И наконец, следует особо отметить, что причина наших неудач кроется не только в недостатках армейской системы, но и в достаточно сильном и решительном противнике, который в итоге на своей стороне не только смог в нужный момент обеспечить огневое и численное превосходство на необходимых участках фронта, но и на стороне которого была военная удача (в ряде случаев явившейся обратной стороной русской медлительности, как под Шталлупененом, или русских просчетов, как под Гумбинненом). Вместе с тем нельзя не отметить отвагу, силу и выучку русских солдат и офицеров, а также порою умелые действия дивизионных и корпусных командиров. Однако отдельные тактические успехи не имели должного развития.

Как видно поражения в Восточной Пруссии не были абсолютной случайностью, а являлись прямым следствием пороков всей русской военной машины в целом. Однако следует признать, что в августе, несмотря на все недостатки, русские войска имели шансы захватить провинцию. И здесь сыграло множество субъективных факторов, лежащих в области интуиции и характера военачальников. В этот перечень следует внести: медлительность конницы и ряда дивизий в бою под Шталлупененом 17 августа, отвод конницы Нахичеванским после Каушенского боя 19 августа (ориентирование на сохранение собственных сил), нерешительность действий 6-го корпуса в боях 26-27 августа и запоздалое донесение в штаб армии, неверное понимание обстановки А.В. Самсоновым и решение предпринять атаку центральными корпусами, а не фланговыми, и наконец, нежелание Жилинского и Ренненкампа отводить (вопреки советам начальников штабов) 1-ю армию на линию Инстербурга.

Существует и другой субъективный фактор: немецкое командование по уровню таланта и энергии превосходило русское. Действительно, почти никто из командующих армий, начальников их штабов, корпусных и дивизионных командиров не смог выдвинуться в эту войну и в будущем одержать какие-либо значимые победы. П.К. фон Ренненкампа оказался в отставке, В.Е. Флуг выше командира корпуса так потом и не поднялся, А.В.

Самсонов и Ф.В. Сиверс вообще застрелились. Н.А. Епанчин также оказался уволен, правда, в 1916 г. восстановлен и поставлен во главе дивизии. Поплатились должностями Л.К. Артамонов (хотя в 1917 г. временно командовал одной дивизией), А.А. Благовещенский, К.А. Кондратович, а также генералы Э.А. Колянковский, Н.Н. Комаров и Н.А. Орановского. Из корпусных командиров смогли себя проявить разве что В.В. Смирнов, который затем командовал 2-й армией (и временно даже Западным фронтом), Е.А. Радкевич - также выросший до командования армией. В.А. Слюсаренко остался все войну на уровне командира корпуса (во время Лодзинской операции неудачно командовал Ловичским отрядом), однако временно несколько раз возглавляя 5-ю армию. В принципе, неплохо карьера сложилась у начальника штаба 27-й пехотной дивизии Л.А. Радус-Зенковича: в годы войны он последовательно командовал полком, стрелковой бригадой, был генерал-квартирмейстером 6-й армии, а в революционный период стал ее начальником штаба. С.М. Шейдеман еще во время восточнопрусских боев получил в командование 2-ю армию, которую оставил после сравнительно неудачных боев под Лодзью, получив вместо нее 1-й Туркестанский корпус. Уже после Октябрьской революции возглавил 10-ю армию. Единственный кто достигнул успеха в полной мере, так это командир 1-й кавалерийской дивизией В.И. Гурко (сын фельдмаршала и брат известного политика), чья военная карьера смогла дорасти до главнокомандующего армиями Западного фронта в 1917 году. А накануне Февральской революции он временно исполнял обязанности начальника штаба Ставки (фактически – главнокомандующий при безвольном Николае II). Другие же кавалерийские начальники Г.О. Раух, Н.Н. Казнаков, Хан Нахичеванской, Х.Х. Рооп, Е.А. Леонтович, равно как и генералы Н.П. Решиков, Н.Н. Короткевич, А.А. Душкевич, и Ф.И. Торклус выше командиров корпусов не поднялись. Начальники штабов армий П.И. Постовский, Г.Г. Милеант, С.Д. Марков и А.П. Будберг в дальнейшем командовали во время войны разве что пехотными дивизиями (за исключением А.П. Будберга, ему в 1917 г. удалось пробиться в командиры корпуса). Исключение составляет И.З. Одишелидзе, после пребывания начальником штаба 10-й армии осенью 1914 г., он оказался на той же должности в 1-й армии. В последствие командовал корпусом, а в 1917 г. побывал во главе 1-й, 3-й и Кавказской армий. Карьера Я.Г. Жилинского продолжилась в качестве дипломата (весьма неплохого), представителя Ставки при Союзном Совете во Франции. Его начальник штаба В.А. Орановский фактически всю войну провел в должности командира корпуса. Не лучше судьба сложилась и у других командиров: Н.А. Лашкевич весной 1915 г. был отчислен за непригодность; талантливый К.М. Адариди в начале 1915 г. сам вышел в отставку (не без давления со стороны командира корпуса Н.А. Епанчина); там же к концу 1914 г. оказался и Н.К. Болдырев. Генералы П.И. Булгаков, Н.Н. Мартос, Н.А. Клюев, А.А. Угрюмов, А.Н. Розеншильд-Паулин, И.Ф. Мингин, Е.Э. Фитингоф, А.Б. Преженцов, Е.Ф. Пестич, П.Д.

Шрейдер и М.И. Чижов были пленены, а генералы В.К. Бельгардт и Н.И. Мачуговский вообще убиты.

Это контрастирует с немецкими командирами. Генералы П. фон Гинденбург и Э. Людендорф стали самыми известными полководцами в годы Первой мировой войны. Именно на них лежит большая доля всех успехов немецкие вооруженных сил. Карьера П. фон Гинденбурга, ставшего национальным героем, продолжилась и после войны, когда он смог занять пост президента Веймарской республики и фактически привести к власти А. Гитлера. Начальник оперативного управления М. Гофман также оставил след в истории как достаточно успешный политик и военный деятель на восточном фронте, фактически глава немецкой делегации на переговорах в Брест-Литовске в 1918 году. Г. фон Эйхгорн впоследствии успешно командовал армиями и группами армий, а в 1918 г. был главой оккупационных войск на Украине. В заслуги А. фон Маккензен входят успехи во время Горлицкого прорыва в мае 1915 года, смявшего русский фронт, поражения Сербии и Румынии. О. фон Белов оставил свое имя в истории как военачальник, под чьим руководством в 1917 году была проведена успешная битва под Капоретто, в которой итальянская армия потерпела сокрушительное поражение. Показали свои таланты и Р. фон Шуберт, впоследствии командовавший корпусом и армией на западном фронте (награжден престижным орденом Pour le Merite). Разве что Г. фон Франсуа так выше командира корпуса не поднялся, хотя также проявил себя в качестве бравого начальника, получив тот же орден, а в последствие и дубовые ветки к нему. Ф. Шольц на протяжении войны командовал корпусом, армией и армейской группой (получившей в честь него название «Шольц»). Успешно действовал в Наревской операцией и под Ригой. Генерал Г. фон Гальвиц в дальнейшем был командующим армией и группой армий (также получившей наименование «Гальвиц»), более-менее успешно сражался на Восточном (в период русского Великого отступления), Балканском (разгром сербского фронта) и Западном (в районе р. Сомма) фронтах.

Об авторе:

Константин Александрович Пахалюк – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.